

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ ЛУИЗЫ ФЮЗИЛЬ.

1806—1812.

....Я натерпѣлась во время путешествія и, наконецъ, страшно утомившись, прибыла въ Петербургъ. Изъ Парижа я привезла самые изящные костюмы, самыя новѣйшія моды. Кто бы могъ сказать, видя эту прекрасную даму, выходящую изъ экипажа, съ накинутою кашемировою шалью, съ Англійской вуалью на великолѣпной шляпѣ Итальянской соломки*), что маленькій красивый мѣшечекъ, висящій на ея рукѣ, заключалъ въ себѣ все ея богатство... Двадцать Голандскихъ червонцевъ, въ восьмистахъ верстахъ отъ родины, отъ семьи, отъ друзей и въ городѣ, гдѣ я никого не знала, такъ какъ тѣ, къ кому я имѣла рекомендацію, жили у себя въ помѣстьяхъ или были въ отъѣздѣ.

Я не растерялась и вспомнила, что при отъѣздѣ изъ Парижа одна особа просила меня доставить письмо ея сестрѣ, содержательницѣ моднаго магазина на Невскомъ. Я подумала, что, можетъ, она дастъ мнѣ нужныя разъясненія. Такъ какъ я находилась на каналѣ Мойки, который надо было переѣзжать на лодкѣ, то отпустила экипажъ. Я еще размышляла, какимъ образомъ съумѣю объясниться съ лодочниками, какъ господинъ, внимательно наблюдавшій за мною, предложилъ мнѣ свои услуги.

Это былъ докторъ Легрò, отличный хирургъ, къ тому же умный человекъ, что никогда не мѣшаетъ. Мы часто смѣялись надъ нашей первой встрѣчей на *обрывистыхъ берегахъ Мойки*. Онъ проводилъ меня къ вышеупомянутой дамѣ, которая приняла меня, какъ подобаетъ доброй соотечественницѣ, и предложила свои услуги. Она осыпала меня любезностями и сообщила, что Мезонфоръ въ городѣ. Я написала ему, чтобы предупредить, что у меня есть письмо къ нему.

*) Эти три вещи составляли въ то время большую роскошь и стоили очень дорого.

Какъ я дала адресъ хозяйки моднаго магазина, то онъ вообразилъ, что я пріѣхала въ Петербургъ на должность продавщицы въ магазинъ, а потому не считъ нужнымъ быть особенно вѣжливымъ. Хотя Мезонфоръ не былъ уже молодъ, но все же представлялъ собою одного изъ обольстительныхъ Французовъ прежнихъ временъ; онъ слылъ за человѣка умнаго и сочинилъ нѣсколько плохихъ разсказовъ и недурныхъ пѣсень. Онъ пріѣхалъ на слѣдующій день и заявилъ о себѣ довольно шумно. Сидя за вышиваньемъ въ комнатѣ, сосѣдней съ магазиномъ, я слышала, какъ онъ говорилъ:

„—Дама, которая должна была передать мнѣ письмо, вѣдь она могла бы и сама послать мнѣ его. Гдѣ же она, эта дама?“

Я вышла къ нему и сказала съ большимъ достоинствомъ:

„—Это письмо отъ госпожи Мезонфоръ, маркизъ; такъ какъ рѣчь идетъ обо мнѣ, то я должна передать его лично.“

Г-жа Мезонфоръ отзывалась обо мнѣ съ похвалой, о которой я изъ скромности умолчу, но которая произвела полную метаморфозу въ ея супругѣ.

„—Считаю себя счастливымъ, сударыня, что маркиза Мезонфоръ доставила мнѣ возможность сдѣлать что нибудь особѣ, которою она такъ сильно интересуется. Я довольно извѣстенъ въ Русскомъ обществѣ, чтобы быть вамъ полезну.“

Мезонфоръ уѣхалъ, сказавъ, что подумаетъ, чтò мнѣ всего болѣе подойдетъ. „Буду имѣть честь увидать васъ черезъ нѣсколько дней“, прибавилъ онъ.

И дѣйствительно онъ вернулся; говорилъ обо мнѣ Кутузовой, княгинѣ Натальѣ Куракиной и особенно княгинѣ Г...*) На нее возлагалъ онъ всѣ надежды для меня. Она выразила большое желаніе узнать меня, благодаря тому, чтò говорилъ обо мнѣ Мезонфоръ.

Итакъ на слѣдующій день онъ повезъ меня на Карповку, дачу княгини, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

—„Это прелестная особа, говорилъ онъ мнѣ ѣдучи туда, очень образованная, много путешествовавшая, особа съ очень знатнымъ именемъ; но въ ней есть нѣчто своеобразное: она ничего не дѣлаетъ, какъ другіе, и рѣдко показывается днемъ. Собираются къ ней въ полночь, ужинають въ 2—3 часа утра и расходятся почти днемъ.“

Насъ приняла графиня Врашка, Полька, живущая съ нею: это очень милая особа, привѣтливая и обладающая талантомъ общежитія.

*) Это княгиня Евдокія Ивановна Голицына, не жившая съ мужемъ своимъ, извѣстнымъ Москвичемъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ. П. Б.

Послѣ завтрака она показала мнѣ садъ и красивыя бесѣдки на островахъ. Это дачное мѣсто очаровательно, какъ вообще всѣ окрестности Петербурга. Мезонфоръ вернулся въ городъ. Княгиня въ честь меня вышла немного раньше обыкновеннаго. Я нашла, что портретъ, который мнѣ нарисовали съ нея, вовсе не былъ льстивъ. Прекрасные волосы цвѣта вороного крыла, шелковистые и мягкіе, падали локонами; лицо было полно прелести и выразительности; въ походкѣ и въ движеніяхъ истома, не лишенная граціи; и когда она поднимала свои большіе черные глаза, то въ нихъ сквозилъ вдохновенный взглядъ, который придалъ ей Жераръ въ одной изъ лучшихъ своихъ картинъ, гдѣ онъ ее изобразилъ.

Когда я увидала ее въ саду, она была одѣта въ платье изъ Индѣйской кисеи, изящно драпировавшееся на ней. Никогда не одѣвалась она похоже на другихъ женщинъ; тогда же, по ея молодости и красотѣ, эта простота античной статуи удивительно шла къ ней. Она обратилась ко мнѣ съ самыми любезными словами и пригласила пріѣзжать ежедневно.

— „Не знаю, сказала она, проведу ли я зиму въ Петербургѣ; у меня есть предположеніе проѣхать въ Грецію и Константинополь. Не хотите ли сдѣлать это путешествіе?“

Я увѣряла ее, что буду въ восторгѣ и съ удовольствіемъ поѣду. Княгиня ушла къ себѣ, такъ какъ рѣдко обѣдаетъ со всѣми, и я осталась съ Врешкою. Прогулка, чтеніе и разговоръ заняли насъ до того времени, какъ стали собираться гости. Мы сидѣли въ кабинетѣ, выходящемъ окнами въ садъ; маленькая библіотека, папки, гравюры, множество музыкальныхъ инструментовъ, къ которымъ княгиня почти не притрогивается, составляли убранство этой комнаты. Она играла на арфѣ или гитарѣ только когда бывала одна и никогда не доставляла этого удовольствія другимъ. Князь Е... рассказывалъ намъ, что въ Теплицѣ, гдѣ была княгиня, ее тщетно просили пѣть въ Belle de Scio; становились на колѣни, всячески упрашивали ее и ничего не достигли; но когда всѣ ушли, и она думала, что все погружено въ глубокій сонъ, она открыла окно, взяла арфу и стала пѣть не только ту вещь, о которой ее тщетно просили, но и множество другихъ, и разбудила этимъ сосѣдей.

Княгиня появилась только, когда всѣ собрались. Подали взбитый шеколадъ и засахаренные фрукты. Общество разошлось по саду и по островамъ. Былъ Іюнь, лучшій мѣсяцъ въ году въ Россіи, когда не бываетъ ночей: солнце садится около половины одиннадцатаго и сумерки начинаются только въ полночь.

Когда возвратившійся Мезонфоръ отвезъ меня въ городъ, былъ уже день. Было рѣшено, что впредь за мною будутъ высылать экипажъ.

Тутъ-то я встрѣтила очаровательную княгиню Наталью Куракину и князя Федора Головкина*), которыхъ такъ любили въ Парижѣ и которые были украшеніемъ общества во время ихъ пребыванія во Франціи. Они искали общества артистовъ и литераторовъ, ихъ часто встрѣчали на вечерахъ у г-жи Ле-Бренъ, Вижье и у художника Жерара. И тотъ и другая обладали талантами, что не часто можно встрѣтить у особъ высшаго свѣта. Княгиня Наталья была прекрасной музыкантшею, сочиняла очень хорошіе романсы и играла на нѣсколькихъ инструментахъ. Графъ былъ пріятнымъ писателемъ и рисовалъ очень хорошо для любителя. Онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ и въ совершенствѣ владѣлъ Итальянскимъ языкомъ. За нимъ была слава, что онъ рѣдко говоритъ правду; но его ложь была такъ остроумна, что на него нельзя было сердиться за то, что онъ измышляетъ романы, въ родѣ тѣхъ, которые пишутъ, но не всегда такіе забавные, какъ его. Когда я въ первый разъ увидала Федора Головкина, я приняла его за Француза. Послѣ онъ увѣрялъ меня, что былъ этимъ очень польщенъ. Дѣло въ томъ, что, мало зная въ то время Русскихъ, я не замѣтила, что большинство имѣетъ пріятное и вѣжливое обращеніе и говоритъ чистѣйшимъ нашимъ языкомъ; но мелкое честолюбіе и любовь къ родинѣ невольно заставляютъ васъ приписывать себѣ то хорошее, что замѣчаешь въ другихъ. Я часто видала князя Федора во время моего пребыванія въ Петербургѣ, а когда онъ пріѣхалъ въ Москву, я была уже давно принята въ домъ его жены, что дало мнѣ возможность еще болѣе оцѣнить любезныя качества ея мужа.

1806 годъ, который я провела въ Петербургѣ, былъ для меня временемъ очарованія, и я пользовалась имъ такъ, какъ будто предчувствовала, что оно не долго будетъ продолжаться; по своей природѣ не можемъ мы вкушать счастья безъ чувства опасенія его потерять.

Петербургъ великолѣпный городъ, и все въ немъ свидѣтельствуетъ о богатствѣ; это мѣстопребываніе двора. Въ немъ соединены всѣ удовольствія, и самыя новѣйшія моды прибываютъ туда черезъ десять дней. Спектакли блестящи и залы великолѣпны; Французскіе танцовщики, Нѣмецкіе и Итальянскіе пѣвцы проявляютъ тамъ свои таланты. Въ этомъ городѣ лучшіе памятники, а гранитныя набережныя, окаймляющія

---

* Княгиня Н. И. Куракиной посвященъ цѣлый томъ архива ея внука, князя О. А. Куракина.—Графъ О. Г. Головкинъ извѣстенъ своими воспоминаніями. П. Б.

Неву, представляют величественное зрѣлище. Площадь, гдѣ Петръ Великій вскочилъ на скалу*), Адмиралтейство, переброшенные черезъ Неву мосты, Мраморный дворецъ, рѣшетка Лѣтняго сада,—все это такъ замѣчательно, что я безъ устали ѣздила по этому великолѣпному городу, самому своеобразному и самому красивому, какой я когда либо встрѣчала въ чужихъ краяхъ. Такъ какъ все было для меня ново, то мнѣ охотно показывали все, что могло меня интересовать. Въ Юнѣ почти нѣтъ ночей, какъ я уже сказала, и прогулки по Невѣ въ лодкахъ на подобіе Венеціанскихъ гондолъ имѣли прелесть, которую трудно описать; нужно это испытать, чтобы понять. Какъ описать этотъ чистый воздухъ, эту тишину, этотъ пейзажъ, видный сквозь дымку сумерекъ, словно сквозь легкое покрывало; эти звуки роговъ, присущіе только Россіи, гармонія которыхъ, несясь вдоль воды, кажется идущей съ неба. У сорока музыкантовъ по рогу болѣе или менѣе длинному, которые даютъ тоны, начиная съ самаго низкаго до самаго высокаго и всѣ промежуточные тоны, но каждый рогъ можетъ дать только одинъ тонъ. Ихъ музыка не положена на ноты, да это было бы и лишнимъ, потому что музыкантъ можетъ не знать, да часто и не знаетъ, какую ноту онъ производитъ; нужно только, чтобы управляющій оркестромъ отчетливо отбивалъ тактъ: только это и руководить трубачомъ, чтобы произвести ноту, когда доходить до него чередъ. Очарованіе этой музыки таково, что на нѣкоторомъ разстояніи нельзя повѣрить такому причудливому составу оркестра. Точность этихъ трубачей такъ велика, что они могутъ исполнять всевозможныя музыкальныя произведенія. Оркестръ императора Александра состоялъ изъ болѣе трехсотъ роговъ; оркестръ гвардіи также очень хорошъ.

Вскорѣ наступилъ Петергофскій праздникъ, бывающій въ Юлѣ и о которомъ я уже давно слыхала. Этотъ праздникъ, предметъ любопытства всѣхъ иностранцевъ, представляетъ собою настоящую феерію, гдѣ природа приходитъ на помощь искусству. Эти гроты, эти скалы кажутся находящимися на волшебномъ острову: такъ искусно они освѣщены невидимыми лампочками, свѣтъ которыхъ заставляетъ сверкать кристаллами воду, бьющую отовсюду, даже внутри грота; но чего нельзя ни съ чѣмъ сравнить, такъ это водопадъ, падающій съ ревомъ со скалы въ каналъ и образующій сводъ, подъ которымъ можно пройти, не вымокнувъ. Иллюминація, видимая черезъ этотъ водопадъ, производитъ магическое впечатлѣніе. Оркестры роговъ, расположенные въ разныхъ мѣстахъ и спрятанные въ кустахъ, разносятъ нѣжныя, сладкіе звуки.

*) Камень привезенъ съ большими издержками изъ Швеціи.

Когда позволяет погода, изъ Петербурга привозятъ балетъ и учениковъ балетной школы, одѣтыхъ Нимфами, Дриадами, Фавнами и лѣсными божками, чтобы пополнить иллюзію. Дворъ всегда присутствуетъ на этомъ праздникѣ, который длится всю ночь; всѣ въ костюмахъ, какъ для бала, но ни на комъ нѣтъ масокъ. Эти національные костюмы очень богаты и элегантны; вечеромъ зданія, дворець и паркъ иллюминированы.

Богатые люди нанимаютъ домъ или помещеніе на цѣлую недѣлю, иначе трудно было бы найти пріютъ; такъ всегда дѣлали дамы, которыя возили меня на этотъ праздникъ. Мы оставались по два дня, чтобы рассмотретьъ все въ подробности.

Во время жатвы мы ѣздили по деревнямъ съ княгиней Куракиной, разговоръ которой такъ пріятенъ, знанія такъ велики и умъ такъ полонъ поэзіи. Она обращала мое вниманіе на костюмы, которые переносили насъ въ славные дни древней Греціи. Когда видишь на ржаномъ полѣ жницъ въ короткихъ туникахъ изо льна, подвязанныхъ выше талии, съ раздѣленными и заплетенными въ косы волосами; мужчинъ, одѣтыхъ также въ туніку, завязанную кожанымъ поясомъ, съ голыми ногами, обутыми въ сандалии изъ березовой коры и привязанными ремешками, съ волосами, обрѣзанными въ кружокъ, то чувствуешь, будто находишься на поляхъ Аркадіи. Вообще одежда отличается пріятнымъ разнообразіемъ, и у каждаго класса населенія есть свой, ему присущій. Такъ, купцы одѣваются богато, дѣвушки красиво; но элегантнѣе всего кормилицы. На нихъ сарафанъ изъ хорошей шерстяной матеріи или изъ бархата; кокошникъ въ видѣ діадемы расшитъ въ большинствѣ случаевъ самоцвѣтными камнями и жемчугомъ, сообразно зажиточности тѣхъ, у кого кормилица служитъ; наряжаютъ ихъ съ большой роскошью. Онѣ всегда сопровождаютъ мать на прогулкахъ и по визитамъ, но при кормилицѣ есть женщина, называемая нянькою, которая слѣдуетъ за кормилицей и ухаживаетъ за ребенкомъ. Эта нянька привязывается къ семьѣ, которая смотритъ на нее какъ на настоящую кормилицу; она всегда имѣетъ большое вліяніе на дѣтей и пользуется ихъ довѣріемъ, особенно у барышень, за которыми ходитъ до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не приставятъ гувернантку.

Къ концу Августа становится холоднѣе. Я видѣла все, что можетъ возбудить любопытство иностранца лѣтомъ. Вскорѣ начались зимнія удовольствія.

Нельзя, не выдавъ, представить себѣ красоту этого оледенѣлаго пространства и не черезъ двойныя рамы, а въ садахъ, въ деревнѣ, на озерахъ, въ лѣсахъ, кажущихся гипсовыми: до такой степени иней

покрываетъ малѣйшую вѣточку, которую солнце заставляетъ сверкать брилліантами и изумрудами. Вотъ именно въ это время надо посмотрѣть на прекрасной Невѣ Рождественское гулянье.

Существуетъ обыкновеніе устраивать на Невѣ, когда она совсѣмъ замерзла, аллеи изъ елокъ, втыкая ихъ на небольшомъ разстояніи одна отъ другой въ ледъ. Какъ съѣстные припасы изъ южныхъ частей имперіи прибываютъ зимою, то они всѣ заморожены и прекрасно сохраняются въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Такъ какъ къ этому времени кончается одинъ изъ Русскихъ постовъ, которыхъ народъ свято держится, то и стараются вознаградить себя за скудное питаніе. Вотъ въ этихъ-то аллеяхъ, устроенныхъ на льду, и располагаются съѣстные припасы. Всевозможныя животныя размѣщены въ большомъ порядкѣ; количество быковъ, свиней, птицы, дичи, барановъ, козъ весьма значительно. Ихъ ставятъ въ этомъ своеобразномъ паркѣ на ноги, и они производятъ странное зрѣлище. Такъ какъ это мѣсто служитъ прогулкою, то вереницею тянутся богатыя сани съ роскошными мѣховыми полостями и кареты на полозьяхъ въ четыре и даже въ шесть лошадей.

Самые знатные сановники любятъ дѣлать покупки на этомъ рынкѣ, и довольно часто можно видѣть, какъ они возвращаются, помѣстивъ замороженнаго быка или свинью на запяткахъ саней въ видѣ лакея или на верхушкѣ кареты.

По обѣ стороны Невскаго толпа; слуги несутъ впереди факелы, освѣщая это триумфальное шествіе, вызывающее смѣхъ у зрителей. „А, это графъ такой-то съ теленкомъ“ говоритъ одинъ. „А это князь такой-то съ бараномъ“. „Княгиня купила быка“. И это продолжается часть ночи. Корабли, стоящіе близъ этого гулянья, иллюминированы разноцвѣтными стаканчиками, что имѣетъ очень своеобразный видъ.

Морозъ вовсе не опасенъ, нужно только предохранить себя отъ его дѣйствія. Иностранцы иногда хотятъ презрѣть принятые обычаи и одѣваются какъ въ умѣренномъ климатѣ, но часто становятся жертвами этого тщеславія и дорого платятся за урокъ. Въ домахъ обыкновенно 14—15 градусовъ по Реомюру, и эта температура не мѣняется. Печи (камины служатъ только для удовольствія) кладутся на фундаментъ; трубы сложены въ нѣсколько оборотовъ, такъ что тепло проходитъ большое пространство, прежде чѣмъ выходитъ изъ помѣщенія. Если совсѣмъ не выходитъ зимою, можно подумать, что стоитъ вѣчная весна. Въ Россіи отъ холода страдаютъ гораздо меньше, нежели въ другихъ странахъ, и если бы черезъ окна не видно было снѣга, саней и мужиковъ съ обледѣнными бородами, ничего не напоминало бы о зимѣ.

Впрочемъ это время года вовсе не неприятно: солнце обыкновенно ярко свѣтитъ, небо ясно, воздухъ чистъ. Въ одеждѣ изъ легкаго и теплаго мѣха пріятно гулять.

Въ ходу очаровательныя прогулки при лунномъ свѣтѣ или утромъ, а потомъ завтракъ въ назначенномъ мѣстѣ. Двигается въ путь разомъ двадцать или тридцать саней, въ переднихъ музыканты; я никогда не могла понять, какъ у нихъ не мерзнуть пальцы. Устраиваютъ также катанье въ изящныхъ санкахъ, запряженныхъ парю прекрасныхъ лошадей. Красота запряжки состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ корню рысака, а сбоку скакуна, котораго кучеръ возжею заставляеть держать голову на сторону и скакать; часто впереди скачетъ верховой, чтобы расчищать дорогу. Лошади покрыты длиннымъ покрываломъ, чтобы снѣгъ отъ пристяжки не летѣлъ въ лице; только дворяне имѣютъ бѣлыя покрывала, у остальныхъ цвѣтныя. У графа Пальфи, богатаго Поляка, покрывала изъ бѣлаго кашемира, а палки, натягивающія его, золотыя.

Я часто слышала вопросъ, какъ могутъ защитить себя отъ холода въ такомъ суровомъ климатѣ бѣдные люди. Во первыхъ, такъ какъ всѣ они принадлежать господамъ, то послѣдніе и обязаны заботиться о ихъ нуждахъ, и нищіе совсѣмъ не попадаются. У нихъ у всѣхъ земля, за которую они платятъ барину. Въ крестьянскихъ избахъ кирпичныя печи такихъ же размѣровъ, какъ кафельныя. Топятся онѣ такимъ же образомъ и такъ накаляются, что трудно дышать въ натопленной избѣ, тѣмъ болѣе, что у нихъ существуетъ еще нѣчто въ родѣ очага, который вѣчно топится, въ которомъ пекутъ хлѣбъ и готовятъ обѣдъ; про жаркую комнату говорятъ: „Какъ въ избѣ“. Переходъ отъ одной температуры въ другую для Русскихъ не опасенъ; вы видите дворниковъ, работающихъ во дворѣ, убирающихъ снѣгъ въ одной рубашкѣ, а они только что вышли изъ комнаты, въ которой вы задохнетесь отъ жары. Кончивъ работу, они надѣваютъ тулупъ на бараньемъ мѣху и ложатся на раскаленную печку.

Я только годъ пробыла въ Петербургѣ, какъ война измѣнила всѣ мои предположенія. Иностранцы принуждены были принять Русское подданство или оставить страну. Большинство, надѣясь, что война не долго продлится, уѣхали, одни въ Гамбургъ или другія страны, сосѣднія съ Россією, другіе вернулись во Францію. Тѣ, кто уже долго жилъ въ Россіи, приняли подданство; артисты были исключены изъ этого правила. Г-жу Филисъ обожали при дворѣ: ни за что на свѣтѣ не хотѣли лишиться ея таланта. Вѣроятно ради нея и издали это исключительное правило для артистовъ.

За г-жею Фились-Андріе укрѣпилась такая репутація, что нѣтъ надобности входить въ большія подробности относительно ея первыхъ выступленій; извѣстно, что она создала роль Кэзи въ „Багдадскомъ Калифѣ“, а также роль субретки въ „Теткѣ-Аврорѣ“. Ея сестра, г-жа Бертенъ, замѣчательная актриса, особенно въ драматическихъ произведеніяхъ, вышла вторымъ бракомъ за Боальдѣ.

Этотъ извѣстный композиторъ написалъ часть своихъ хорошихъ произведеній въ Россіи и привезъ оттуда во Францію „Опрокинутыя Кареты“, „Молодая женщина въ гнѣвѣ“, „Одинъ за другого“ и „Телемака“. Въ послѣднемъ произведеніи г-жа Бертенъ превзошла себя въ роли Калипсо, а г-жа Андріе была полна очарованія въ роли Ейхарисы, которую она пѣла восхитительно. Жаль, что этотъ сюжетъ былъ уже использованъ въ Парижѣ, а потому авторъ не могъ поставить тамъ свое произведеніе. Тоже случилось и съ „Сандрильоной“ Штебельта, музыка которой значительно превосходитъ ту, которая исполнялась въ Парижѣ.

Въ Петербургѣ еще помнили актеровъ, сочинявшихъ тамъ комедіи, Дюкруази, Делинья, игравшаго благородныхъ отцовъ на Французскомъ театрѣ, и Калана, очень хорошаго комика; Фрожеръ былъ грубымъ подражателемъ своего зятя Дюгазона и скорѣе шуткомъ общества, чѣмъ хорошимъ комикомъ.

Всѣ совѣтовали мнѣ снова поступить на сцену; но роли, которыя я могла исполнять, были всѣ заняты, а голосъ былъ у меня не достаточно великъ, чтобы пѣть на Петербургской сценѣ, гдѣ всѣ партіи написаны на четверть тона выше, нежели въ *Opéra Comique*. Итакъ я попросилась на сцену Московскаго театра, чего было очень нетрудно добиться отъ оберъ-камергера Александра Нарышкина, стоявшаго во главѣ императорскихъ театровъ.

Россія 1806 стала уже старою для теперешняго поколѣнія, такъ какъ многое, что существовало тогда, совершенно измѣнилось; многое можетъ быть также хорошо, многое можетъ быть лучше, но все же это не тоже самое. Это сказалъ мнѣ и одинъ Русскій, человѣкъ большаго ума, когда я читала ему выдержки изъ моего дневника. Онъ поощрялъ меня продолжать его. „Мало иностранцевъ имѣло возможность знать такъ хорошо тогдашнее общество, потому что вы были вхожи во многія семьи“.

Такъ какъ я искусилась въ наблюдательности, то меня восхитила новая обстановка; я увидала общественную жизнь, приближающуюся къ самымъ блестящимъ салонамъ Парижа, приспособленную къ обычаямъ

и привычкамъ дальней страны, торжества, приноровленные къ религіи и климату; одежду народа такъ отличнаго отъ другихъ націй, который, особенно въ эту пору, имѣлъ нравы, напоминающіе Грецію и Азію. Преданія поколебались съ той поры, какъ купцы измѣнили свою жизнь. Всѣ иностранцы, жившіе въ Россіи, рассказывали о ней съ точки зрѣнія того класса, въ которомъ они вращались. Гостепріимство, радушіе, господствующія въ этой странѣ, выставлены подъ разнымъ освѣщеніемъ, смотря по тому, въ какомъ обществѣ находился иностранецъ.

Я уѣхала изъ Петербурга зимою 1807 года. Всѣ выражали сожалѣніе по поводу моего отъѣзда; я его раздѣляла и была разстрогана. Князь Долгорукій, имѣвшій домъ въ Москвѣ, далъ мнѣ въ провозатые своего человѣка; иначе я была бы въ большемъ затрудненіи, не понимая ни слова по-русски и въ первый разъ путешествуя такимъ образомъ. Дмитрій Нарышкинъ *) велѣлъ обить мою кибитку шкурами Сибирскаго волка; многіе граждане были бы довольны имѣть подобныя шубы. Одѣяла были медвѣжьи. Оберъ-егермейстеръ предложилъ мнѣ живого волченка грѣть ноги, но я отказалась.

Моя кибитка была наполнена разными съѣстными припасами, большинство которыхъ померзло дорогою. Къ счастью Иванъ, умный малый, пополнялъ ихъ. Я ѣхала какъ кладъ, ничего не зная, ничего не понимая, спала въ кибиткѣ, какъ у себя на постели и выходила только, чтобы поѣсть, немного походить и размять затекавшіе члены.

Наконецъ къ вечеру въѣхала я въ тотъ городъ, гдѣ со мною случилось столько необыкновеннаго и чего я никакъ не могла предвидѣть....

Я остановилась у Лекена, Француза, дававшего пріютъ на первое время всѣмъ артистамъ императорскаго театра. Лекенъ претендовалъ на происхожденіе по прямой линіи отъ извѣстнаго актера того же имени, о чемъ онъ и сообщалъ каждому вновь прибывшему. При этомъ представлялся случай сказать ему: Какъ! Небо допустило, чтобы у такого добродѣтельнаго отца былъ такой недостойный сынъ!

Онъ не хвастался очень близкимъ родствомъ, а говорилъ, что онъ внучатый племянникъ.

Я оставалась у него до пріисканія помѣщенія достаточно приличнаго для пріемовъ. У меня было множество писемъ къ особамъ Московскаго общества, и на этотъ разъ я всѣхъ застала. Сперва поѣхала я къ Дивовой, урожденной графинѣ Бутурлиной; это была очарователь-

---

*) Оберъ-егермейстеръ, братъ оберъ-камергера Александра Нарышкина, управлявшаго императорскими театрами.

ная особа, воспитанная при дворѣ великой Екатерины и пріобрѣтшая тамъ грацію, хорошій вкусъ и пышность. Дивова была для меня не только вліятельной поддержкою, но и настоящимъ другомъ; въ такомъ духѣ обращалась со мною всегда она и ея милая семья*).

Графъ Федоръ также далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ особамъ и особое письмо къ Головкиной. Въ нихъ не было общихъ фразъ, свойственныхъ вельможѣ; они наполнены были сочувственными выраженіями, которыя не могутъ не произвести дѣйствія, особенно если исходятъ отъ такого лица, достойнаго всякаго уваженія, какимъ былъ графъ Федоръ.

Графиня была очень умна, очень образована, знала въ совершенствѣ нашу литературу и написала даже нѣсколько недурныхъ вещей на Французскомъ языкѣ. Вечера ея были пріятны, хотя ее обвиняли, что она немного г-жа Дюдефанъ; но зависть всегда примѣшивается къ успѣху, даже въ высшемъ обществѣ, и посредственность не терпитъ ничего, стоящаго выше ея.

Съ тѣхъ поръ, какъ я утратила часть моего діапазона, я стала работать надъ средними нотами и особенно старалась усовершенствоваться въ выразительной музыкѣ; она-то и дѣйствуетъ главнымъ образомъ на толпу, и нѣтъ надобности быть знатокомъ, чтобы понимать ее. Романсъ требуетъ красивыхъ словъ, музыку простую и подходящую къ словамъ; онъ требуетъ также выразительнаго исполненія. Я была въ Москвѣ, когда мнѣ прислали романсъ „Іосифъ“. Не сумѣю описать впечатлѣніе, которое онъ произвелъ, равно какъ романсъ „Горный Изгнанникъ“ Шатобріана.

Какъ сладко воспоминаніе
О моей прекрасной родинѣ!

Ефимовичъ сочинилъ мелодію простую и трогательную, идущую къ словамъ. Я никогда не пѣла его безъ того, чтобы не проливали слезы, и особенно на моихъ соотечественниковъ производилъ онъ сильное впечатлѣніе. Салонные таланты очень цѣнятся въ чужихъ краяхъ, гдѣ они рѣже встрѣчаются, нежели во Франціи. Я привезла изъ Парижа новый родъ музыки, которая имѣла большой успѣхъ въ салонахъ Петербурга, а тѣмъ самымъ былъ ей обеспеченъ успѣхъ и въ Москвѣ. Вскорѣ я стала модной пѣвицей; мои шансонетки производили фуроръ, и сюжеты ихъ зарисовывались въ альбомы. Всѣ наши пѣсенки того

---

*) Дивова пріѣхала во Францію во времена имперіи; она бывала каждодневно у императрицы Жозефины. Ея пребываніе въ Парижѣ было отмѣчено пріятствомъ ея дома и общества, собиравшагося у нея.

времени воспѣвали рыцарей, молодыхъ дѣвушекъ и знатныхъ дѣвицъ. Въ моемъ альбомѣ были нарисованы: часовой, опирающійся на копье, отъѣздъ въ Сирію, трубадуръ, скрестившій на груди шпагу и лютню.

Если мои легкіе таланты и создали мнѣ въ началѣ успѣхъ и заставили искать моего общества, то должна сказать, что со временемъ я была принята въ высокопоставленныхъ домахъ какъ другъ дома. Я давала молодымъ дѣвушкамъ уроки выразительнаго чтенія, слѣдила за выборомъ книгъ для нихъ и учила пѣть музыкальныя произведенія, наиболѣе распространенныя. Въ Россіи были очень хорошіе композиторы изъ высшаго общества: Ефимовичъ, князь Голицынъ и много другихъ. Своими уроками я расплачивалась за тотъ милый пріемъ, который видѣла со стороны дамъ и никогда не рассчитывала на плату или какую нибудь личную выгоду. Въ этомъ 1807 году артисты, заслуживающіе отличіе своимъ воспитаніемъ, нравами и обхожденіемъ, были цѣнны въ обществѣ, и къ нимъ относились съ уваженіемъ.

Когда бывалъ мой бенефисъ или я давала свой концертъ, эти дамы всегда распродавали мои логи или билеты по цѣнѣ, далеко превосходящей назначенную. Никогда не была я такъ счастлива въ Москвѣ, какъ первое время, когда у меня еще не было никакой должности. Безпечная и вѣчно смѣющаяся, я не заботилась о завтрашнемъ днѣ.

Въ нашей Французской колоніи было много пріятныхъ людей, и мы собирались другъ у друга. Каждый назначалъ свой день и выбиралъ себѣ общество. Такъ какъ въ Воскресенье не было уроковъ и торговля дѣла прекращались, я выбрала себѣ для пріема этотъ день. Кругъ моихъ знакомыхъ былъ слишкомъ великъ по размѣрамъ моего помѣщенія; хотя у меня было нѣсколько комнатъ, но онѣ были малы. Къ счастью онѣ были всѣ проходныя и раздѣлялись только завѣсами, которыя въ этотъ день снимались, чтобы увеличить пространство. Я жила въ домѣ попа*) и занимала хорошенькій олигелъ между дворомъ и садомъ. Это было прелестно лѣтомъ; но зимою, когда снѣгъ доходилъ до извѣстной высоты, я рисковала быть погребенной какъ въ Лапландской хижинѣ, если бы не приходили расчищать снѣгъ отъ моихъ оконъ.

Общество мое состояло изъ артистовъ разныхъ странъ и изъ эмигрантовъ, дававшихъ уроки и занимавшихся одновременно коммерческими дѣлами. Хочу познакомить читателей съ людьми, составлявшими мой маленькій кружокъ по Воскресеньямъ; они стѣять этого, да

*) Священникъ Греческаго вѣрсховданіа.

къ тому же я буду въ дальнѣйшемъ имѣть случаи говорить о нихъ. Фильдъ и дѣвица Першеронъ, Тончи, историческій живописецъ, значительнаго таланта, любезный, веселый, остроумный; у него были острия словца, которыя запоминались и повторялись въ обществѣ. Музыкантъ, какъ всѣ Итальянцы, онъ мило пѣлъ маленькія пѣсенки своего сочиненія, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, сочинялъ изящныя сказки въ духѣ Боккачіо. Онъ считалъ себя философомъ на свой ладъ и говорилъ глупости очень умно.

Тончи былъ душею всѣхъ обществъ, но онъ былъ особенно пріятенъ въ нашемъ, такъ какъ вносилъ въ него больше непринужденности и веселія, нежели на вечерахъ у знатныхъ особъ, гдѣ онъ умѣлъ сохранять достоинство артиста. Сложенный какъ академическая модель, съ орлинымъ взглядомъ, бѣлоснѣжными волосами, ослѣпительными зубами, онъ былъ въ шестьдесятъ лѣтъ выдающимся по наружности человекомъ. Именно въ эти годы побѣдилъ онъ княжну Гагарину, моложе его, которая вышла за него замужъ, не смотря на всѣ усилія ея семьи помѣшать этому браку.

Въ то время въ каждомъ салонѣ былъ столъ, покрытый альбомами, бумагами, перьями и карандашами. Тѣ, кто не игралъ, слушали музыку рисуя или писали какія нибудь шуточныя произведенія. Наши альбомы были наполнены фантастическими рисунками и карриатурами Тончи. Въ моемъ онъ изобразилъ черта, убѣгающаго черезъ окно, причемъ привѣсилъ ему портретъ своего друга Гваренго, придворнаго архитектора, на такое мѣсто, которое только чертъ и любовь могутъ показывать обнаженнымъ. Онъ нарисовалъ также мое сердце, раздѣленное пополамъ и на нѣсколько клѣточекъ; въ одной половинѣ на каждой клѣткѣ стояло имя одного изъ моихъ знакомыхъ, на всей же другой половинѣ стояло имя графа Федора Головкина, котораго, какъ онъ зналъ, я очень любила, и имя самого Тончи едва замѣтными буквами.

Я имѣла претензію кормить свое общество ужинами, хотя мое хозяйство было въ плохомъ состояніи. Я сажала дамъ вокругъ круглаго стола, а мужчины ѣли, гдѣ могли: на углу рояли, на туалетѣ, на жардиньеркѣ, на которой безжалостно мяли мои цвѣты. Если разговоръ заходилъ о какой нибудь музыкальной вещи, о дуэтѣ Боальдѣ, меломанъ Дюкре*) бросалъ крыло цыпленка, садился за рояль, отгоняя ужинавшихъ и пѣлъ:

---

*) Эмигрантъ, профессоръ музыки.

Тебя, Фронтенъ, я презираю.

Со стола дамы ему отвѣчали:

Ты вѣришь, по крайней мѣрѣ, въ свои приманки.

Если обладаешь красотою, подобно твоей...

Послѣ этого обладатели рояли гнали его и занимали прежнія мѣста. Эти господа говорили: „Одолжите мнѣ вашъ ножъ“ (у меня было ихъ всего четыре).

Моро¹⁾ рассказывалъ намъ, какъ неудобно носить одинаковое имя съ другимъ, когда въ городѣ двѣ католическія церкви, гдѣ крестятъ, вѣнчаютъ и хоронятъ, однимъ словомъ двѣ церкви, священники которыхъ сторожатъ событія такого рода, чтобы воспользоваться одинъ передъ другимъ. Отецъ Моро былъ очень боленъ, но совершенно выздоровѣлъ; онъ жилъ въ кварталѣ Французской церкви. Нѣкто, по имени тоже Моро, недавно умеръ. Причтъ церкви Нѣмецкой слободы, стоящей на другомъ концѣ города, развѣдавъ объ этомъ, примчался со всеми атрибутами и хотѣлъ непремѣнно воздать всѣ погребальныя почести отцу нашего друга. „Но, отвѣчалъ имъ тотъ, съ аппетитомъ завтракая въ ту минуту, не могу же я согласиться на ваше предложеніе, когда я вовсе не мертвъ“. Причтъ не хотѣлъ вѣрить и заявилъ, что тутъ сговорились съ Французскою церковью, чтобы ограбить Нѣмецкую. Большаго труда стоило избавиться отъ непрошенныхъ гостей.

„Кстати объ исторіи съ мертвецами, сказалъ Антонолини²⁾; знаете, что случилось съ Родомъ во время его поѣздки въ Кіевъ, куда онъ ѣхалъ давать концерты. Застигнутый непогодой, онъ принужденъ былъ остановиться въ крестьянской избѣ, огонекъ которой онъ увидалъ издалека. Послѣ долгаго стука ему отворила старуха съ больными глазами, со сморщеннымъ лицомъ, настоящая вѣдьма изъ Макбета. Лакей Рода спросилъ, пустить ли она переночевать его барина. Она размышляетъ, колеблется, наконецъ ей предлагаютъ десять рублей, громадныя деньги для бѣдной крестьянки.

„У меня только одна кровать, сказала она, я уступлю ее барину, а сама лягу на полу въ сосѣдней комнатѣ, вы же можете спать въ сараѣ, если хотите“.

Прислуга и крестьяне не прихотливы относительно сна, они прекрасно спятъ на землѣ или на доскахъ.

¹⁾ Эмиргантъ. Его имя не было Моро, онъ скрывался подъ этимъ псевдонимомъ. Онъ былъ губернаторомъ одного молодого князя.

²⁾ Композиторъ, извѣстный профессоръ пѣнія.

Родъ падалъ отъ усталости. Лакей поставилъ экипажъ и лошадь въ сарай и самъ легъ тамъ. Его баринъ бросается, не раздвѣаясь, на постель, очень низкую. Въ полуснѣ спускаетъ онъ руку, какъ бы ища что-то подъ кроватью и наталкивается на окоченѣлую руку. Ужасъ мигомъ разбудилъ его, и онъ, забывъ усталость и сонъ, вскакиваетъ съ кровати, видитъ трупъ и думаетъ, что попалъ въ разбойничій притонъ. Онъ кричитъ и ругается, какъ помѣшанный; старуха прибѣгаетъ полуертвая отъ страха.

„Несчастная, кричитъ онъ, подъ кроватью убитый человѣкъ?“

„Охъ, баринъ, простите, это мой мужъ. Онъ умеръ сегодня утромъ. Чтобы заработать десять рублей, я отдала вамъ его кровать, а его подсунула подъ нее“.

Можно себѣ представить, что Родъ успѣшилъ покинуть гостеприимный кровъ неутѣшной вдовы и двинулся, несмотря на непогоду, въ дальнѣйшій путь“.

Малѣйшія событія служатъ источникомъ для разговоровъ, какъ за границею, такъ и въ провинціи. Моими вечерами очень интересовались мои высокопоставленныя дамы. Они, конечно, не производили бы такого успѣха, если бы были похожи на другіе; въ нихъ особенно цѣнилось веселье. Каждое Воскресенье Дивова присылала мнѣ мороженое, варенье и печенье всевозможныхъ сортовъ. Графиня Броглю подарила нѣсколько дюжинъ ножей и Англійскихъ вилокъ. Мой домъ становился на важную ногу.

Нѣкоторые Русскіе, очень любезные, упрекали меня, что я ихъ не приглашаю. „Нѣтъ, говорила я имъ, ни одного иностранца; такъ между нами условлено; если бы было иначе, мои вечера стали бы походять на остальные: исчезло бы веселіе и непринужденность, и вы сами бы скучали“.

„Но, говорилъ Ефимовичъ, вѣдь я же артистъ; развѣ мы не поемъ съ вами мои дуэты?“

„Да, и даже съ большимъ удовольствіемъ, потому что они прелестны, и вы поете ихъ чарующе; но у меня занимаютъ музыкой только для смѣха“.

Жилъ въ то время въ Москвѣ нѣкто Релли, человѣкъ богатый, пышный и поставившій свой домъ на широкую ногу; у него былъ лучшій поваръ въ городѣ, а потому всѣ вельможи (довольно большіе чревоугодники) ѣздили къ нему на обѣды. Его принимали за Англичанина или Итальянца, такъ какъ онъ прекрасно говорилъ на обоихъ языкахъ; онъ былъ вхожъ въ высшій свѣтъ и велъ большую игру.

Встрѣчая меня часто у моихъ патронессъ, онъ какъ-то попросилъ позволенія сготовить *маленькій* изъ трюфелей паштетъ для моихъ „маленькихъ ужиновъ“, о которыхъ ему не преминули рассказать. Я согласилась и постаралась предупредить моихъ сотрапезниковъ, ибо трюфели были большой роскошью въ то время, когда способы сообщенія не были такъ быстры и легки, какъ теперь. Никто не могъ догадаться, откуда можетъ появиться такое великолѣпіе.

Начали съѣзжаться, когда появился пресловутый маленький паштетъ; онъ былъ такихъ размѣровъ, что его пришлось наклонить, чтобы пронести въ дверь; я увидала, что моя столовая не сможетъ вмѣстить его въ себѣ. Собрали всю бумагу, чтобы разрѣзать его на куски на томъ самомъ деревянномъ кругу, на которомъ его перевозили. Нельзя себѣ представить всѣхъ глупостей, которыя говорились вокругъ этого паштета. Я была великодушна: на слѣдующій день разослала куски всѣмъ моимъ знакомымъ. Этотъ паштетъ очевидно надѣлалъ шуму, потому что Нарышкинъ, пріѣхавъ въ Москву, говорилъ мнѣ о немъ. Онъ былъ знаткомъ и въ состояніи оцѣнить подобный подарокъ. „Я только безпокоился, сказалъ онъ, какъ же вы обошлись вашими тремя ножами?“ „Графиня Броглио позаботилась объ этомъ“.

„Знаете, сказалъ оберъ-камергеръ, вы должны благодарить меня, что я пустилъ васъ въ Москву, потому что вы, кажется, проводите здѣсь очень весело время“. „Это не влечетъ за собою большихъ расходовъ, ваше сіятельство; когда я подаю своимъ гостямъ дурной ужинъ, я дѣлаю, какъ вдова Скарона: рассказываю имъ забавныя исторіи“.

Когда прошелъ первый годъ, моя жизнь стала положительнѣе.

Меня охотно принимали въ Русскомъ обществѣ и обращались благосклонно. Графиня Строгонова, особа пожилая и больная, но любезная и веселая, полюбила меня. Такъ какъ она любила искусство и поэзію, я ей часто читала произведенія нашихъ лучшихъ авторовъ, которыхъ она умѣла цѣнить. Все, что появлялось новаго во Франціи, тотчасъ же ей высылалось.

Графиня владѣла большимъ состояніемъ и пользовалась имъ съ пышностью. Ея городской домъ былъ богатъ, элегантенъ и убранъ съ большимъ вкусомъ. Деревня въ Братцовѣ была настоящая маленькая Швейцарія; тамъ давались самыя живописныя празднества, и они производили, благодаря Московскому климату, который мягче Петербургскаго, полную иллюзію.

Графиня устраивала лѣтомъ очаровательные праздники, и когда она, среди блестящаго общества, быстро катилась въ креслѣ по са-

дамъ, лабиринтамъ и лѣсамъ, можно было принять эту маленькую, добрую старушку за фею очарованнаго острова: такъ она была миниатюрна и своеобразна.

Она предлагала мнѣ свой домъ, экипажъ и прислугу, если я захочу поступить къ ней въ качествѣ лектрисы; я согласилась, но не хотѣла брать никакой платы, потому что это значило бы лишиться своей свободы. Я ходила на репетиціи въ театръ, видалась съ друзьями и людьми изъ общества, съ которыми я не хотѣла разрывать. Впрочемъ я съ большою охотою и предупредительностью читала ей или пѣла, особенно въ дни ея приема.

У графини въ Московскомъ домѣ былъ Китайскій павильонъ, въ которомъ мебель, обои и картины, всѣ были привезены Китайскими купцами, ежегодно приѣзжавшими на Макарьевскую ярмарку. Близъ павильона помѣщалась великолѣпная оранжерея, въ которой давались зимнія празднества. Деревья значительной величины, казалось, выросли въ ней и образовывали прекрасныя аллеи. На каждомъ шагу встрѣчались кадки съ апельсиновыми деревьями, цвѣты всѣхъ времянь года, деревья, покрытыя плодами, которые привязывались на нихъ искуснымъ образомъ. Эта оранжерея была значительныхъ размѣровъ и освѣщалась сверху черезъ тусклыя стекла, которыя разбрасывали свѣтъ, подобный Юльскимъ сумеркамъ. Не было видно ни печки, ни огня; можно было бы сказать: температура весны. Птицы порхали по деревьямъ, и отъ времени до времени раздавалось ихъ пѣніе. Черезъ двойныя окна изъ цѣльнаго Богемскаго стекла виденъ былъ снѣгъ, покрывавшій крыши, слышался скрипъ каретъ по снѣгу и показывались бороды кучеровъ, покрытыя инеемъ, равно какъ и лошади. Такую оранжерею можно оцѣнить только въ холодномъ климатѣ, гдѣ проходятъ контрастами мягкость южныхъ странъ и суровость сѣверныхъ, соединенныя искусствомъ.

Зимнія удовольствія, въ родѣ ледяныхъ горъ и катанья на саняхъ, смѣнили лѣтнія празднества. Московское дворянство могло дать понятіе о восточныхъ сатрапахъ. Дворянское собраніе бывало зимою ежедневно отъ шести часовъ вечера до двухъ-трехъ часовъ утра. Туда допускались исключительно дворяне; банкиры, даже самые извѣстные, не были туда вхожи. Въ этомъ клубѣ, несравнимомъ ни съ какимъ другимъ, было около 2600 членовъ, изъ которыхъ 1700 женщинъ. Причина такой маленькой разницы между числомъ мужскихъ и женскихъ членовъ лежала въ томъ, что всѣ молодые дворяне служили въ военной службѣ и почти все время находились при своихъ полкахъ. Мушкетеры платили 25 рублей, женщины 10. Въ клубѣ можно

было получать всё сорта прохладительныхъ напитковъ и ужинъ по 12 рублей съ персоны. Помѣщеніе было великолѣпно и построено на деньги дворянства. Большая зала поддерживалась 28 колоннами, соединенными балюстрадаю и хорами, съ которыхъ открывался прекрасный видъ. На нихъ входъ допускался по билетамъ.

Многіе изъ вельможъ имѣли собственные театры, на которыхъ давались оперы и балеты. Актеры были крѣпостными у господъ, которые и назначали имъ роли. По волѣ барина одного дѣлали актеромъ, другого пѣвцомъ, этого танцовщикомъ, а того музыкантомъ!

Такъ какъ постомъ не бываетъ представленій, то вельможи отдавали свои залы артистамъ для платныхъ концертовъ; когда я давала постомъ свои концерты, они бывали въ одной изъ этихъ залъ, обыкновенно въ одной изъ лучшихъ и подъ покровительствомъ дамъ. Это служило платою за мои любезности, и концерты давали мнѣ много денегъ и подарковъ. Я не обольщалась и знала, что среди дамъ были такія, которыя искали моего общества только потому, что я была въ модѣ, но онѣ имѣли достаточно смѣтки, что бы мнѣ этого не показывать. Молодыя дѣвушки и даже молодыя дамы этихъ домовъ пѣвали со мною, и я не имѣла права жаловаться, что иногда онѣ злоупотребляли моею любезностью; но бывали исключенія, и маленькое происшествіе, которое я сейчасъ расскажу, дало мнѣ поводъ выказать чувство моего достоинства, которое должно бы всегда существовать въ сердцѣ артиста.

Я была очень хорошо принята у графини Брогліо *), мужъ которой былъ человѣкомъ ума и развитаго вкуса. Однажды она написала мнѣ, что, желая дать мнѣ возможность встрѣтиться съ моимъ соотечественникомъ, графомъ Лажаромъ (возвращавшимся изъ Константинополя), она пришлетъ за мною около шести часовъ.

Этотъ способъ приглашенія показался мнѣ страннымъ со стороны особы, въ домъ которой я была вхожа. Въ Русскихъ домахъ существуетъ обычай, что разъ вы приняты, то бываете безъ приглашеній, и вами были бы недовольны, если бы вы дѣлали это недостаточно часто: это одинъ изъ старинныхъ обычаевъ гостепрїимства.

Когда я вошла, графиня обратилась ко мнѣ со словами: „Я такъ много говорила о васъ г-ну Лажару, такъ хвалила вашу любезную готовность пѣть и ваши прелестные романсы, что возбудила въ немъ живѣйшее желаніе услышать васъ“.

---

*) Это Русская княгиня, вышедшая замужъ за графа Брогліо во время эмиграціи.

Я нашла подобное обращеніе не очень любезнымъ. Достаточно было почувствовать себя оскорбленною, чтобы тотъ, передъ кѣмъ я по ея желанію пѣла, былъ Французомъ, котораго я въ первый разъ вижу и который еще не зналъ, какъ я принята въ свѣтъ. Я не хотѣла имѣть видъ приглашенной для развлечения графа Лажара, а такъ какъ приглашеніе было сдѣлано въ формѣ, къ которой я не привыкла, то я твердо рѣшила не пѣть. За столомъ меня посадили рядомъ съ Лажаромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, и мы болтали весь обѣдъ. Это еще болѣе утвердило мое рѣшеніе выставиться въ наиболѣе выгодномъ свѣтъ въ глазахъ моего соотечественника.

Тотчасъ послѣ обѣда графиня приказала принести арфу и собственноручно передала ее мнѣ....

„О, графиня, я несказанно огорчена, что не могу отвѣчать вашимъ ожиданіямъ; но вы знаете, что я недостаточно владѣю этимъ инструментомъ и играю на немъ только аккомпанименты къ своему пѣнію“.

— „Но я именно это и имѣю въ виду, а потому и даю ее вамъ“.

— „У меня сильный насморкъ, графиня; мнѣ невозможно пѣть“.

— „Вы не устанете, будете пѣть въ пол-голоса и что хотите“.

— „Если я запою, то вы погубите ту блестящую рекомендацію, которую вы были добры дать мнѣ, потому что я не могу сегодня издать ни одного звука“.

Всѣ просьбы, всѣ льстивыя увѣренія были безплодны: я не соглашалась.

Графиня кусала губы, и я видѣла по ея лицу, что она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ; я ждала колкостей, но рѣшилась на нихъ отвѣчать, хотя и вѣжливо, но не давать себя унижить, даже если бы пришлось съ нею разсориться. Я всегда знала свое мѣсто, какъ бы предупредительны со мною ни были, но не потерпѣла бы того, что мнѣ укажутъ на дверь.

Если пѣвца приглашаютъ для концерта, ему не подобаетъ заставлять себя просить; но когда его принимаютъ какъ друга дома, то слѣдуетъ болѣе приличнымъ образомъ просить его объ одолженіи; а потому, когда графиня сказала мнѣ съ горечью: „когда хотятъ возбудить въ обществѣ интересъ къ себѣ, слѣдуетъ и для него что нибудь дѣлать“, я отвѣчала: „я думала, графиня, что до сего времени я въ этомъ не была грѣшна и вѣрила, что готовность услужить не должна быть во вредъ здоровью; впрочемъ, прибавила я, я хочу доказать мое желаніе быть вамъ пріятною, даже въ ущербъ моему самолюбію“.

Раздались аплодисменты; вставъ тотчасъ же, я пошла за гитарою, лежавшей на другомъ концѣ гостиной и сыграла прелюдію, чтобы нѣсколько успокоиться отъ волненія. Я пропѣла слѣдующія строфы изъ Аталы, на которыя написали для меня прелестную музыку.

Счастливъ, кто на своихъ празднествахъ не видалъ чужеземцевъ,
Кто не испыталъ пренебрежительной помощи,
Вдыхалъ всегда, даже въ бурю,
Воздухъ, которымъ дышали его предки.
Несравненная Флорида,
Удовлетворенная своими лѣсами,
Не покидаетъ ясныхъ водъ,
Лѣсовъ и зеленыхъ рощъ;
Въ ея убѣжищѣ, вѣчно прекрасномъ,
Сіяетъ ясное небо.
Будетъ ли у нея въ другихъ странахъ
Свое гнѣздо, устланное жасминомъ?

Мы перекинулись взглядомъ съ Лажаромъ, и я увидала, что онъ очень доволенъ моимъ пѣніемъ. Графиня была слишкомъ умна, чтобы рассердиться на такой, якобы, намекъ.

„О, дорогая Fleurichette, сказала она смѣясь: гнѣзда вашей страны вовсе не благоухаютъ жасминомъ“.

„Согласна, отвѣчала я, подхватывая шутку, но вѣдь вы не можете упрекнуть меня, что я пріѣхала за жасминами въ вашу страну“.

„Вы вздорная головка“, сказала она, цѣлуя меня.

Съ этой минуты я стала пѣть все что просили. Это маленькое происшествіе быстро стало извѣстнымъ и было для меня благопріятно, потому что создало мнѣ положеніе, которое никто не пытался упразднить.

Я часто видала у моихъ дамъ Дмитріева, человѣка образованнаго и умнаго; я выразила ему желаніе осмотрѣть Кремль, и онъ любезно вызвался быть моимъ руководителемъ. Онъ входилъ во всѣ подробности, которыя могли меня интересовать по поводу рѣдкихъ вещей, находящихся во дворцѣ, сожженомъ Татарами и возобновленномъ въ короткій срокъ. Возвратившись домой, я записала все видѣнное и вдвойнѣ этимъ довольна, такъ какъ вскорѣ всѣ вещи были увезены, чтобы сохранить ихъ отъ арміи, которая уже приближалась. Богатство гробницъ, украшенія церквей величественны.

Сокровища хранились въ сводчатыхъ комнатахъ, въ которыхъ стояли шкапы, содержащіе различныя церковныя украшенія: прекрасныя рукописи съ жемчугами на переплетахъ, золотыя распятія,

выложенныя жемчугомъ и брилліантами, богатыя ризы, двѣ чаши изъ прекраснаго агата, чаши изъ яшмы и много другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ.

Царей хоронили въ церкви св. Михаила, и Петръ II былъ послѣднимъ изъ погребенныхъ тамъ. Въ алтарѣ находится балдахинъ, бывшій при его погребеніи. Рядомъ съ соборомъ прежній дворецъ патриарховъ; тамъ хранятся всѣ сокровища церкви.

Митрополичій домъ также владѣеть сокровищами и украшеніями. Митра Платона была бы необыкновенною, если бы срединный камень былъ настоящимъ, какъ мнѣ говорили; это агатъ, въ которомъ видно маленькое распятіе, а внизу молящійся монахъ.

Царскій дворецъ готическаго стиля; въ него поднимаются по каменной лѣстницѣ, сдѣланной внѣ зданія; она извѣстна тѣмъ, что на ней стрѣльцы убили Нарышкина и другихъ знатныхъ лицъ. Въ первой комнатѣ хранятся одежды Екатерины I, Елисаветы, Петра I, Петра II и императрицы Анны; всѣ онѣ очень богаты и хорошо сохранились. Направо двухмѣстный тронъ Петра I. Я замѣтила также пару сапогъ, которые онъ надѣвалъ въ торжественные дни, и другую съ острыми гвоздями на каблукахъ для дня Богоявленья: въ этотъ день совершается освященіе воды на льду; матери погружаютъ дѣтей въ прорубь, сдѣланную для этой церемоніи. Этотъ древній обычай соблюдается до сихъ поръ.

Мантія Екатерины II, какъ мнѣ говорили, длиною въ 44 фута; двѣнадцать камергеровъ несли ее въ дни торжества. Въ этомъ дворцѣ громадное количество вазъ, канделябровъ, чашъ изъ литого золота и такой же тронъ, который подаренъ однимъ шахомъ Персидскимъ и былъ употребленъ во время коронованія Екатерины II; короны Сибири, Астрахани и Казани, корона, присланная Константинопольскимъ императоромъ, когда онъ перешелъ въ Греческую вѣру; эта корона изъ золота, а три рога ея украшены жемчугомъ, громадной (ради его величины) цѣнности и брилліантовый нагрудный крестъ.

Шкапъ, хранящій въ себѣ короны, заключаетъ самое большое богатство. Въ другомъ стеклянномъ шкапу находятся коронаціонныя одежды Павла Петровича и Александра Павловича, восковая кукла, изображающая императрицу Елисавету ребенкомъ въ одеждѣ того времени, часы съ папою, передъ которымъ проходятъ съ поклономъ кардиналы, а рядомъ туалетный столъ весь изъ янтаря. Въ нижней залѣ пѣшіе и конные воины со стариннымъ вооруженіемъ, полное вооруженіе Александра Невскаго, сабли, украшенныя брилліантами и т. д.

Во время царствованія императрицы Анны состоялась шутовская свадьба шута съ крестьянской дѣвушкой. Празднества этой свадьбы происходили въ ледяномъ дворцѣ, нарочно для того выстроенномъ. Всѣ украшенія, мебель, даже кровать были изо льда, а также пушки и мортиры, изъ которыхъ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. На ней присутствовали пары отъ каждой мѣстности, подвластной Россіи, въ своихъ мѣстныхъ одеждахъ. Новобрачныхъ возили по городу въ клѣткѣ, стоявшей на спинѣ слона, въ сопровожденіи этой разношерстой свиты. Этотъ праздникъ былъ замѣчательнъ и ледянымъ дворцомъ, который, говорятъ, былъ чудомъ зодчества и приковывалъ взоры любопытныхъ, пока не наступила оттепель. Суровость зимы 1740 года немало способствовала успѣху этой сумасбродной затѣи.

Но вернемся къ Русскому обществу 1808 года, отъ котораго я уклонилась; закончу нѣсколькими словами о Растопчинѣ. Я часто видала этого извѣстнаго человѣка въ домахъ, гдѣ я запросто бывала и, не знаю почему, чувствовала къ нему какое-то отвращеніе, которое не съумѣю объяснить. А между тѣмъ я съ удовольствіемъ слушала его, такъ какъ разговоры его были поучительны, увлекательны, извѣтельны, пересыпаны порою остроуміемъ, которое неизмѣнно имѣетъ успѣхъ. Я часто вспоминаю его отвѣтъ графу Разумовскому. Графъ жаловался, что не можетъ избавиться отъ семьи, которой онъ предоставилъ флигель своего Петровскаго дворца, пока будетъ свободенъ ихъ собственный домъ. „Я всячески старался заставить ихъ понять, что флигель нуженъ мнѣ самому, но не могъ найти приличнаго предлога выселить ихъ отсюда“.

— „Ну, отвѣчалъ Растопчинъ, я вижу только одинъ исходъ, и я бы къ нему прибѣгнулъ“.

— „Какой?“

— „Поджечь флигель“.

Очевидно, подобное средство было ему по душѣ.

Чтобы нарисовать портретъ подобнаго человѣка, надо было бы имѣть съ нимъ долгія сношенія, мои же не были настолько пріятны, чтобы сохранилось доброе воспоминаніе.

Въ чертахъ духовныхъ, какъ и тѣлесныхъ, бываютъ измѣнчивости, которыя ускользаютъ отъ кисти. Впрочемъ я не согласна съ тѣми моими соотечественниками, которые сдѣлали Растопчина предметомъ своего восхищенія, и я могу имъ только сказать: „Счастливы вы, что ваше знакомство съ человѣкомъ, которымъ вы восхищаетесь, началось съ того времени, какъ вы его встрѣтили во Франціи; но вамъ никогда не удастся заставить меня раздѣлять съ вами вашу энтузіазмъ“.

Растопчинъ навѣрно былъ бы удивленъ производимымъ впечатлѣніемъ и долженъ бы часто ухмыляться въ свою Татарскую бороду; я говорю Татарскую, потому что онъ очень кичился своимъ происхожденіемъ отъ Чингисхана. Впрочемъ, развѣ можно хорошо знать себя самому? Вотъ маленькое поясненіе, довольно ѣдкое.

Одна дама совѣтовала Растопчину написать свои воспоминанія, которыя не преминули бы возбудить большой интересъ въ публикѣ. Нѣсколько дней спустя, онъ является съ маленькой рукописью. „Я повиновался вашему приказанію, сказалъ онъ, и написалъ воспоминанія; вотъ онѣ съ посвященіемъ“.

Воспоминанія графа Растопчина, писанныя имъ самимъ.

I.

„Въ 1765 году 12 Марта я вышелъ изъ тьмы къ свѣту. Меня смѣрили, свѣсили и окрестили. Я родился, не зная почему, и родители возблагодарили небо, не зная за что“.

II.—Мое воспитаніе.

„Меня обучали разнымъ вещамъ и разнымъ языкамъ. Благодаря моему безстыдству и шарлатанству, я слылъ иногда ученыхъ. Голова моя стала шкапомъ съ разрозненными книгами, ключъ отъ котораго хранился у меня“.

III.—Мои страданія.

„Меня мучили учителя, мучили портные своими узкими платьями, мучили женщины, честолюбіе, самолюбіе, бесплодныя раскаянія, властелины и воспоминанія“.

IV.—Лишенія.

„Я былъ лишенъ трехъ великихъ наслажденій человѣческаго рода: кражи, обжорства и гордости“.

V.—Достопамятныя эпохи.

„Въ тридцать лѣтъ я отказался отъ танцевъ, въ сорокъ отъ желанія нравиться прекрасному полу, въ пятьдесятъ отъ общественнаго мнѣнія, въ шестьдесятъ отъ мышленія и сталъ настоящимъ мудрецомъ или эгоистомъ, что одно и то же“.

VI.—Нравственный обликъ.

„Я упрямъ, какъ мулъ, привередливъ, какъ женщина-соблазнительница, веселъ, какъ ребенокъ, лѣнивъ, какъ сурокъ, дѣятеленъ, какъ Наполеонъ, и все это по доброй волѣ“.

VII.—Важное рѣшеніе.

„Не умѣя владѣть лицомъ, я далъ волю своему языку и представлялся, что имѣю дурную привычку думать вслухъ; это дало мнѣ нѣсколько радостей и много враговъ“.

VIII.—Чѣмъ я былъ и чѣмъ могъ быть?

„Я былъ расположенъ къ дружбѣ и довѣрію и если бы родился въ золотой вѣкъ, могъ бы стать добрякомъ“.

IX.—Правила, заслуживающія уваженія.

„Я никогда не путался въ сватовства и въ сплетни. Никогда не рекомендовалъ ни повара, ни доктора и слѣдовательно не покушался ни на чью жизнь“.

X.—Мои вкусы.

„Я любилъ маленькое общество, прогулку по лѣсу. Чувствовалъ невольное обожаніе къ солнцу, и его закатъ всегда наводилъ на меня грусть“.

XI.—Мои отвращенія.

„Я имѣлъ отвращеніе къ глупцамъ и негодьямъ, къ женщинамъ-интриганкамъ, играющимъ въ добродѣтель; жалость къ крашеннымъ мужчинамъ и нарумяненнымъ женщинамъ; отвращеніе къ крысамъ, ликерамъ, мистицизму и ревеню; ужасъ къ юстиціи и бѣшеннымъ животнымъ“.

XII.—Разборъ моей жизни.

„Я жду смерти безъ страха, но и безъ нетерпѣнія. Жизнь моя дурная мелодрамма на большой сценѣ, гдѣ я игралъ героевъ, тирановъ, влюбленныхъ, благородныхъ отцовъ, но никогда не игралъ лакеевъ“.

XIII.—Награды свыше.

„Мое счастье въ томъ, что я независимъ отъ трехъ людей, правящихъ Европою. Такъ какъ я довольно богатъ, къ дѣламъ повернулъ спину и равнодушенъ къ музыкѣ, то, слѣдовательно, мнѣ нечего дѣлать съ Ротшильдомъ, Меттернихомъ и Россини“.

XIV.—Моя эпитафія.

Здѣсь положили
 Для отдыха
 Съ пресыщенной душой,
 Съ очищеннымъ сердцемъ
 И съ изношеннымъ тѣломъ
 Стараго преставившагося чудака.
 Дамы и кавалеры, проходите мимо!

XV.—Посвященіе публикѣ.

„Публика—ты злая собака, фальшивый инструментъ страстей! Ты, поднимающаяся къ небесамъ и падающая въ грязь, проповѣдующая и клеветущая, не зная для чего. Образъ набата, собственное эхо, бессмысленный тиранъ, вырвавшійся изъ сумасшедшаго дома, экстрактъ тонкихъ ядовъ и нѣжнѣйшихъ запаховъ, представитель дья-

вола въ обликѣ человѣка, фурія въ маскѣ христіанскаго милосердія; публика, которую я боялся въ молодости, уважалъ въ зрѣлыхъ годахъ и презиралъ въ старости, тебѣ посвящаю я свои воспоминанія. Наконецъ, я недостижимъ для тебя, такъ какъ мертвъ, а потому глухъ и нѣмъ; пользуйся же этими выгодами для спокойствія своего и рода человѣческаго¹⁾.

Поговорю теперь объ одной особѣ изъ Французской колоніи, нѣкоей г-жѣ Всеволожской, женщинѣ пріятной и умной, вышедшей замужъ за Русскаго, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ по его уму и обширнымъ знакомствамъ, которыя онъ завязалъ въ своихъ путешествіяхъ по Европѣ и Азіи. Всеволожскій, оставшись вдовцомъ съ двумя очаровательными дочерьми, взялъ въ воспитательницы къ нимъ особу, имѣвшую всѣ данныя для этой обязанности.

Такъ какъ нельзя получить мѣста преподавательницы по какимъ бы то ни было предметамъ (какъ въ школахъ, такъ и въ частныхъ домахъ) не имѣя диплома и не выдержавъ экзамена при университетѣ, то подобныя мѣста и наиболѣе почетны, и наиболѣе трудно ихъ получить. Всеволожскій скоро оцѣнилъ милый характеръ второй матери своихъ дѣтей и вступилъ съ нею, подобно Людовику XIV, въ бракъ, но не съ лѣвой стороны, а законно, въ благодарность за заботы, которыя она расточала его дочерямъ.

Всеволожская²⁾ принимала всѣхъ иностранцевъ, но особенно своихъ соотечественниковъ, между которыми она умѣла выбирать достойныхъ; я была представлена ей по моемъ пріѣздѣ въ Москву. Наканунѣ новаго года она имѣла обыкновеніе собирать къ себѣ избранный тѣсный кружокъ.

Уже давно Всеволожскій обѣщалъ намъ костюмированный балъ. 31 Декабря 1811 года, наканунѣ 1812 года, исполнилъ онъ свое обѣщаніе. Приглашительные билеты гласили, что балъ начнется въ восемь часовъ вечера, а въ полночь всѣ снимутъ маски. Надо было спѣшить использовать остающееся время, такъ какъ было довольно трудно замаскироваться, чтобы васъ не узнали въ обществѣ, гдѣ всѣ знали другъ друга. Я сговорила съ однимъ другомъ дома, который пони-

---

¹⁾ Графъ Раstopчинъ похороненъ на Пятницкомъ въ Москвѣ кладбищѣ. На его могильномъ камнѣ слова: „Среди моихъ дѣтей покоюсь отъ людей“. У насъ имѣется его литографированный портретъ съ надписью: „Безъ дѣла и безъ скуки сижу поджавши руки“. Хлесткое слово было ему привычно. П. Б.

²⁾ Она выдала дочь свою отъ перваго брака за Семѣна, который стоялъ во главѣ лучшаго книжнаго магазина въ Москвѣ.

малъ, что́ это за балъ и былъ очень находчивъ. Мы рѣшили исчезнуть и переодѣться въ уборной, которую для насъ устроили, какъ только кого нибудь изъ насъ узнають.

Мы принялись за костюмы: я уличной пѣвицей, онъ паяцемъ. Было условлено, что онъ будетъ предлагать покупать мои пѣсенки. Въ теченіи двухъ недѣль ломали голову, собирая всѣ стихи и куплеты, могущіе подойти къ лицамъ нашего общества. Они были написаны на красивыхъ листкахъ, и въ заголовкѣ стояло имя того или той, къ кому они адресовались; мой зеленый фартукъ съ карманами былъ полонъ ими. Мы взобрались на большой столъ, служившій намъ подмостками, откуда и сталъ мой товарищъ выхвалять товаръ, и надо ему отдать справедливость, дѣлалъ это съ большимъ умѣньемъ; онъ вскрикивалъ: подходите, господа и дамы, подходите! Всѣ руки потянулись къ намъ, каждому хотѣлось получить куплетъ, ему предназначенный, и довольно трудно было поддержать порядокъ.

Вотъ какой куплетъ получили хозяева дома:

Сколько испытываешь здѣсь удовольствія!
Гдѣ можетъ быть намъ лучше?
Все удовлетворяетъ наши желанія,
И все ихъ возбуждаетъ.
Не тотъ ли это садъ,
Гдѣ нашъ праотецъ
Находилъ подъ руками все,
Чего желалъ?

Одному изъ нашихъ друзей, любившему Шампанское больше своей жены, мы посвятили второй куплетъ той же самой пѣсни:

Онъ съ грустью пилъ воду
Близъ спутницы своей жизни.
Здѣсь веселятся, потягивая Шампанское.
У него была только одна женщина,
И та была ему женою.
Здѣсь я вижу чужихъ женъ
И не вижу своей.

Одинъ старый негоціантъ, веселый и пріятный собесѣдникъ, получилъ слѣдующіе два стиха изъ „Вертящихся Картинъ“:

Есть бородачи, которые еще на многое годятся.

Молодой дѣвушкѣ дали слѣдующее изъ той же оперы:

Я молода, я дѣвица,
Меня находятъ довольно милой.

Дама лѣтъ сорока, очень занимавшаяся своей внѣшностью, получила куплетъ „Auberge de Bagnères“:

И надѣла маленькую шляпку,
Платье изъ малиноваго крепа,
Шаль и пунцовые башмачки
И стала очаровательной.
И что же! Дамы
Раскритиковали этотъ туалетъ;
А вѣдь я купила его
Въ Палэ-Роялѣ, въ Парижѣ!

Наконецъ одному эмигранту, лъву салоновъ, мы дали слѣдующую пародію на пѣсню изъ „Visitandines“:

Баловень дамъ.
Всегда зажигающіеся огни
Горятъ для насъ женщинъ
Съ Кузнецкаго моста.

Этотъ маскарадъ имѣлъ большой успѣхъ, и пока читали наши куплеты, мы исчезли, чтобы переодѣться.

Въ полночь всѣ, кто былъ въ маскахъ, сняли ихъ, и мы дружески обнялись, говоря: будемъ надѣяться, что этотъ годъ будетъ такимъ же счастливымъ, какъ прошедшій, что мы снова всѣ соберемся въ тотъ же день и т. д.. Когда я вернулась домой, былъ уже почти день. Я задумалась надъ наступавшимъ 1812 годомъ. Ничто еще не предвѣщало тѣхъ несчастій, которыя насъ ожидали. Разставаясь, мы были веселы и счастливы. Не знаю почему, но увидавъ альбомъ, куда я имѣла обыкновеніе набрасывать безъ связи свои мысли, я написала почти произвольно: „Почему же этотъ 1812 годъ занимаетъ меня больше предъидущаго? Почему чувствую я потребность отмѣтить его?“ И прибавила про себя: „Нельзя рассчитывать на продолжительность счастья. Посмотримъ“.

Въ концѣ этого года большинства тѣхъ, съ кѣмъ мы его встречали, уже не было въ живыхъ!...

Я уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ, а когда вернулась въ Москву, нашла ее въ волненіи, а иностранцевъ въ большомъ безпокойствѣ. Взятіе Смоленска не способствовало успокоенію умовъ. Все дворянство удалялось, изъ Кремля и Воспитательнаго Дома вывозили сокровища и драгоценности. Тянулась непрерывная вереница экипажей и телегъ, нагруженныхъ мебелью, картинами и всевозможными вещами. Городъ сталъ уже пустыненъ, и по мѣрѣ приближенія Французской

арміи бѣгство усиливалось. Рожденная въ Вюртембергскомъ герцогствѣ, въ Штутгартѣ, я надѣялась получить черезъ протекцію императрицы-матери, которая была оттуда же, паспортъ на выѣздъ въ Петербургъ, куда я хотѣла переѣхать. Не смотря на рекомендацію графа Маркова, бывшаго посланника во Франціи, мнѣ въ этомъ отказали. Хотя на сценѣ Московскаго Императорскаго театра уже съ нѣкоторыхъ поръ не давалось представленій, такъ какъ контрактъ съ нѣсколькими артистами кончился, и они не были еще замѣщены, никто изъ оставшихся не имѣлъ права уѣхать безъ личнаго разрѣшенія камергера, и даже безъ его разрѣшенія невозможно было получить почтовыхъ лошадей. Майковъ *) указывалъ, что онъ уже давалъ мнѣ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Если бы онъ могъ предположить, что отказъ въ новомъ отпускѣ принесетъ мнѣ такое большое несчастье, я думаю, что онъ не отказалъ бы мнѣ. Это погубило мое состояніе и разстроило мою будущность, лишивъ пенсіи.

Изъ боязни очутиться безъ съѣстныхъ припасовъ, каждый запасался провизіей. Безпокойство скоро овладѣло всѣми, такъ какъ говорили, что всѣ должны погибнуть подъ развалинами города. Прятались по отдаленнымъ кварталамъ Москвы, и какъ городъ очень великъ, то рассчитывали, что часть города, по которой пройдетъ армія, будетъ сожжена первою а, можетъ быть, и единственною: никто не могъ себѣ представить, что весь громадный городъ будетъ принесенъ въ жертву пламени; однако все же избѣгали жить въ деревянныхъ кварталахъ. Всѣ каменные дворцы, покрытые желѣзомъ, казалось, не могли сгорѣть, и въ нихъ охотнѣе всего селились.

Я покинула домъ, въ которомъ жила, и поселилась съ семьей артистовъ, жившей въ громадномъ дворцѣ князя Голицына на Басманной, мѣстѣ уединенномъ и противоположномъ тому, черезъ которое должна была войти армія. Мужу моей пріятельницы, Вендрамини, князь поручилъ сдѣлать гравированные снимки съ его великолѣпной картинной галереи. Онъ жилъ въ небольшомъ крылѣ дворца, выходящемъ въ обширный садъ, гдѣ можно было удобно спрятаться на случай, если бы народъ прибѣгнулъ къ насилію, а также и отъ огня.

Кромѣ нѣсколькихъ оранжерей, гдѣ мы могли найти убѣжище отъ поисковъ, у насъ былъ еще дворецъ, одинъ занимавшій всю сторону улицы, а напротивъ дворецъ князя Александра Куракина, въ которомъ мы также могли бы спрятаться: оба дворца были покинуты владѣльцами.

---

*) Директоръ Московскаго театра. П. Б.

Итакъ мы воображали себя въ неприступной крѣпости и, успокоенные, занялись пріобрѣтеніемъ необходимыхъ вещей. Я перевезла часть своихъ и безразсудно покинула домъ, чтобы переселиться въ другой, ставшій жертвою пламени. Но не одна я такъ жестоко ошиблась. Казалось, злой духъ заставлялъ меня видѣть опасность тамъ, гдѣ я могла обезпечить свое спокойствіе. Когда я проѣзжала городъ, чтобы соединиться съ своими друзьями на Басманной, улицы были пустыни, и едва можно было встрѣтить нѣсколько простолудиновъ. Черезъ нѣсколько времени я вдругъ услышала въ отдаленіи унылое пѣніе, и вскорѣ моимъ глазамъ представилось необычайное и трогательное зрѣлище. Громадная толпа, со священниками въ ризахъ во главѣ, несла иконы; мушкетеры, дѣти, всѣ плакали и пѣли священные пѣсни. Эта картина цѣлаго народа, покидающаго свой городъ и уносящаго святыни, раздирала сердце. Я стала на колѣни и начала вмѣстѣ съ ними плакать и молиться. Къ друзьямъ своимъ я пріѣхала совсѣмъ разстроенная этимъ умиленнымъ зрѣлищемъ.

Мы жили спокойно въ продолженіи 8—10 дней. Въ концѣ Августа (по Русскому счету) пришли намъ сказать, что армія приближается.

Каждую минуту взбирались мы на крышу дома, смотрѣли въ подзорную трубу и однажды вечеромъ замѣтили бивуачные огни. Испуганные слуги вошли къ намъ и сказали, что полиція стучалась ко всѣмъ и предлагала жителямъ выѣзжать, такъ какъ городъ будутъ жечь и что уже увезли пожарныя трубы; „мы не хотимъ больше оставаться здѣсь“, прибавили они. И дѣйствительно мы узнали, что полиція покинула городъ, что не могло служить къ успокоенію.

Кромѣ толстой служанки, которая пекла намъ хлѣбъ и напивалась, чтобы излечиться отъ страха, мы остались безъ прислуги. Эта женщина была намъ очень полезна въ послѣдствіи. Такъ какъ моя пріятельница была очень пуглива, то я не ложилась всю ночь. Я не хотѣла сообщать ей мои соображенія, боясь ея нервныхъ припадковъ. Мѣстность наша была пустынна, и отъ времени до времени проходили пьяные, грубо ругавшіеся. И этотъ день провели мы въ большомъ безпокойствѣ, потому что до насъ дошелъ слухъ, что кабаки разбиты. Слѣдующую ночь шумъ усилился, и мнѣ послышались крики: „Французы“. Я ждала каждую минуту, что къ намъ ворвутся.

Двѣ ночи провели мы въ ужасномъ состояніи; начиналась третья, не принеся намъ перемѣны въ нашемъ положеніи, потому что мы не знали, что происходитъ внутри города. Больная и уставшая, бросилась я спозаранку въ постель, а друзья пошли на крышу дома, какъ и въ предъидущіе дни. Вдругъ г-жа Вендрамини опрометью вбѣгаетъ ко

ми и говорить: „Пойдите, пожалуйста, посмотрите на комету; она удивительна, точно огненный мечъ: она навѣрно предвѣщаетъ намъ бѣду“.

Зная, что она очень суевѣрна, я не особенно обезпокоилась; однако, увлеченная ею, я взошла на крышу и въ самомъ дѣлѣ увидала нѣчто необычайное. Поговоривъ о явленіи и ничего въ немъ не понимая, мы заснули. Въ шесть часовъ утра раздалось нѣсколько ударовъ въ наружную дверь. Я побѣжала въ комнату друзей: „Ну, теперь мы погибли, сказала я, дверь выламываютъ“. Однако я услышала, что вызываютъ по имени хозяина дома. Заглянувъ въ щель ставни, мы увидали своихъ знакомыхъ. Это былъ Торіакъ, эмигрантъ, бывший офицеръ императорской арміи. „О, Боже, въ той мѣстности идетъ рѣзня, и онъ спасается къ намъ“, воскликнула я.

Торіакъ разсказалъ, что пожаръ начался близъ его дома, и онъ, боясь, что и его домъ сгоритъ, пришелъ просить у насъ пріюта для себя и еще для двухъ лицъ. Получивъ согласіе, онъ ушелъ за остальными. Вендрамини рискнулъ пройти до конца улицы и, вернувшись, сказалъ, что необычайное явленіе, замѣченное его женою, была бомба съ ракетой, упавшая на домъ князя Трубецкаго на Покровкѣ (улица, близкая къ намъ), что онъ горитъ, такъ же какъ и сосѣдніе дома. Онъ снова ушелъ собирать вѣстей, а мы рѣшились высунуться изъ окна. Я увидала коннаго солдата; онъ спрашивалъ пофранцузски: „Это сюда?“ Судите о моемъ изумленіи. Менѣ трусливая, нежели моя пріятельница, я крикнула ему: „Господинъ солдатъ, вы Французъ?“ — „Да, сударыня.“ „Значитъ Французы здѣсь?“ — „Они вошли въ предмѣстья вчера въ три часа.“ — „Всѣ?“ — „Всѣ“. „Радоваться намъ или тревожиться?“ сказала я пріятельницѣ. „Мы избавились отъ одной опасности, чтобы впасть, можетъ быть, еще въ бѣдшую“.

Размышленія наши были печальны, и событія показали, что это предчувствіе было вѣрно.

Тѣ, кто просилъ у насъ пріюта, прибыли, нагруженные вещами, которыя имъ удалось спасти. Они разсказывали, что огонь уже охватилъ различныя улицы, что старались его потушить, но, за неимѣніемъ пожарныхъ трубъ, это очень трудно сдѣлать. Меня подмывало пойти узнать, не случилось ли чего съ моими друзьями и домомъ, гдѣ оставалась мебель и тѣ вещи, которыя я не смогла перевезти. Меня предупредили, что безопаснѣе идти пѣшкомъ, такъ какъ, за недостаткомъ лошадей въ арміи, забирали всѣхъ попадавшихся. „Впрочемъ, прибавилъ кто-то, такъ какъ Французы очень любезны, то, мо-

жетъ вашихъ и не отнимутъ. Я лично не хочу рисковать своими: они намъ очень будутъ нужны, если придется спасать вещи“.

Казалось, онъ обладалъ даромъ пророчества.

Въ полдень я взяла дрожки у одного изъ знакомыхъ и отправилась въ городъ. Всѣ дома были полны военными, въ моемъ жили два жандармскихъ офицера; все было вверхъ дномъ. Такой беспорядокъ, по ихъ словамъ, нашли они, когда въѣхали въ домъ. Тамъ оставались только Русскіе слуги, а такъ какъ офицеры ихъ не понимали, то и подумали, что квартира покинута. Они очень уговаривали меня опять переѣхать туда, увѣряя, что мнѣ больше нечего бояться. Это меня мало соблазняло, ибо сосѣдній огонь могъ каждую минуту охватить и мой домъ. Я вернулась къ друзьямъ при свѣтѣ пылающихъ зданій. Благодаря сильному вѣтру, пожаръ быстро распространялся; казалось, что стихіи сговорились ежечь до тла этотъ несчастный городъ.

Осень въ Россіи прекрасна, и было еще только 15 Сентября. Вечеръ былъ хорошъ, и мы пошли по сосѣднимъ съ дворцомъ князя Трубецкаго улицамъ, посмотрѣть на пожаръ. Зрѣлище ужасающее и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное. Четыре ночи не зажигали мы огня: у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Отъ времени до времени слышались легкіе взрывы, какъ бы выстрѣлы изъ ружья, и тотчасъ же поднималось черное облако дыма. Черезъ нѣсколько минутъ оно краснѣло, становилось огненнымъ и скоро превращалось въ огненный потокъ. Черезъ нѣсколько часовъ домъ сгоралъ до тла.

Вернувшись, я застала г-жу Вендрамини разговаривающую съ раненымъ офицеромъ. „Я просила господина помѣститься у насъ, сказала она; домъ нашъ на пустынной улицѣ, мало ли что можетъ съ нами случиться. Онъ совѣтуетъ даже попросить караула“.

На слѣдующее утро я снова вышла за свѣдѣніями. Одна сторона бульвара, который я пересѣкла, представляла собою громадный костеръ; нѣсколько Польскихъ солдатъ рыскало по улицамъ, и получалось впечатлѣніе, что городъ отданъ на разграбленіе. Я пошла къ губернатору, но пріемная была биткомъ набита, и мнѣ не удалось съ нимъ поговорить.

Я направилась домой; молодой, очень вѣжливый офицеръ остановилъ меня, чтобы предупредить, что одной ходить опасно, и вызвался проводить. Положеніе было настолько опасно, что я не стала отказываться. Онъ хотѣлъ сойти съ лошади и идти со мною, но я воспротивилась. На поворотѣ одной улицы заплаканныя женщины умоляли

защитить ихъ отъ солдатъ, которые грабили дома, и онъ разогналъ негодяевъ.

Я спѣшила вернуться, боясь, что у насъ грабятъ; но пока еще, благодаря нашей отдаленности, мы были избавлены отъ этого: офицеръ могъ бы еще нѣкоторое время удерживать ихъ. Мой молодой провожатый пообѣдалъ съ нами, былъ остроуменъ, говорилъ о модахъ и театрахъ, и я вскорѣ различила въ немъ, не смотря на военные усы, франта изъ *Chaussée-d'Antin*. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ штабъ и въ Петровское, и больше я его не видѣла. Мнѣ было бы жаль, если бъ съ нимъ случилось какое несчастіе, потому что онъ любилъ свою мать. Наполеонъ, узнавъ, что въ Кремлѣ заложены мины, переѣхалъ въ Петровское. Мы рѣшили, г-жа Вендрамини, я и раненый офицеръ, отправиться на слѣдующій день въ Петровское и попросить стражи.

День, въ который мы предприняли эту поѣздку, останется для меня памятнымъ. При отъѣздѣ домъ нашъ былъ еще цѣлъ, и не было признаковъ огня въ сосѣднихъ улицахъ. Дочь г-жи Вендрамини, дѣвочка лѣтъ тринадцати, была съ нами; она видѣла передъ тѣмъ пожаръ только издалека. Первый пожаръ, поразившій ее, былъ пожаръ Красныхъ воротъ, наиболѣе древнихъ въ Москвѣ. Мы поѣхали по обыкновенной дорогѣ, бульваромъ, но тамъ проѣхать было невозможно: все было въ огнѣ. Мы направились вверхъ по Тверской; тамъ пожаръ былъ еще сильнѣе, и большой театръ, куда мы потомъ поѣхали, представлялъ сплошной костеръ. Близъ него находился запасъ дровъ на весь годъ, что, равно какъ и самый деревянный театръ, было пищею этому грандіозному пламени. Повернули направо—эта сторона казалась намъ менѣе въ огнѣ. Едва проѣхали мы пол-улицы, какъ вѣтеръ съ такою силою перебросилъ огонь, что надъ нами образовался огненный сводъ. Это можетъ показаться преувеличеніемъ, но это было на самомъ дѣлѣ. Мы не могли ѣхать ни впередъ, ни въ сторону, и ничего не оставалось, какъ вернуться по прежней дорогѣ. Но каждую минуту огонь усиливался, головѣшки летѣли въ нашу коляску, и кучеръ, сидя бокомъ на козлахъ, судорожно держа возжи, повернулъ къ намъ лице, искаженное ужасомъ. Назадъ! закричали мы ему. Это было трудно сдѣлать, но все же ему удавалось изъ чувства самосохраненія держать лошадей. Онъ повернулъ, пустил ихъ вскачь, и мы домчались до бульвара. Мы поѣхали домой, поздравляя себя, что можемъ, наконецъ, дать отдохнуть глазамъ отъ пыли и огня.

Никогда не забуду впечатлѣнія отъ представившагося нашимъ глазамъ зрѣлища. Домъ, куда мы рассчитывали спокойно вернуться, гдѣ, часъ тому назадъ, не было и признака искры, стоялъ въ огнѣ.

Его подожгли, вѣроятно, недавно, потому что люди, жившіе во флигелѣ, еще ничего не замѣчали, и только крики дѣвочки Вендрамини заставили ихъ выбѣжать. Дитя совсѣмъ потеряло голову и кричало: „Спасайте, мама, спасайте все; о, Боже, мы погибли!“ Эти крики и зрѣлище надрывали мнѣ сердце. Я вспомнила о моей дочери и возблагодарила Бога, что я одна въ эту жестокую минуту.

Обладая счастіемъ не теряться при опасности, я занялась спасеніемъ другихъ и потомъ уже постаралась спасти наиболѣе цѣнныя свои вещи. Толстая служанка, единственная оставшаяся у насъ, помогала мнѣ переносить ихъ въ садъ. Мушкетеры и даже раненый офицеръ почти потеряли головы; они метались изъ стороны въ сторону, а дѣло не подвигалось: рубили топорами дверь, а рядомъ была дверь открыта. Нѣсколько офицеровъ вошли въ садъ и предложили на помощь солдатъ. Въ сущности такъ спѣшить не представлялось необходимости: дворецъ отдѣлялся отъ флигеля садомъ и оранжереями. Правда, огонь могъ перейти на него по оранжереямъ, что и случилось, но только на слѣдующій день. Если бы въ то время головы лучше работали, меньше бы вещей погибло; но страхъ не разсуждаетъ, къ тому же крики матери и дочери потрясали всѣхъ.

Когда я все перенесла въ садъ, то сѣла рядомъ съ портретомъ старшей дочери, съ которымъ не могла разстаться, и стала спокойно наблюдать за происходившимъ. Не имѣя болѣе ни дрожекъ, ни коляски, я рисковала все потерять. Тотчасъ же приняла я рѣшеніе: связала вмѣстѣ наиболѣе нужныя мнѣ вещи и положила ихъ на дрожки къ одному товарищу бѣдствія, а другой свертокъ поменьше отдала къ офицеру, котораго сопровождалъ солдатъ Мартино, славный и очень обязательный парень. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, я уложила въ ручной мѣшечекъ всѣ драгоценности и деньги и стала, не волнуясь, ждать, что пошлетъ Господь. „Чьи же это вещи?“ спросилъ офицеръ, завѣдывавшій нашимъ участкомъ. „Мои“, отвѣчала я. „Какъ, вы ихъ такъ бросаете?“ — „Куда же мнѣ ихъ дѣть? У меня нѣтъ ни экипажа, ни лошадей“. — „Чортъ возьми, вотъ онъ (указывая на офицера) возьметъ часть изъ нихъ; вещи женщинѣ нужныѣ, нежели мушкетерѣ матрацъ. Надо же помогать другъ другу“.

Я почувствовала себя наполовину спасенною, хотя у меня погибло значительное количество обстановки и сундуки, наполненные платьями. Итакъ я покинула остальное, въ томъ числѣ и портретъ дочери, поставленный въ уголокъ оранжереи. Съ нимъ разставалась я со слезами, ибо предчувствовала, что больше его не увижу. Какъ жалѣла я, что онъ не былъ миниатюрою!

Мы оставили домъ, и онъ скоро сталъ добычею солдатъ. Какое печальное зрѣлище представляли эти женщины, дѣти, старики, бѣгущіе, какъ и мы, изъ горящихъ домовъ! Цѣлая вереница солдатъ направлялась въ лагерь, они шли вмѣстѣ съ нами и предлагали слѣдовать за ними. Послѣ долгихъ поисковъ, мы отыскивали улицу, которая еще не горѣла. Мы вошли въ первый попавшійся домъ (они все были пусты) и бросились на диваны, а мужчины остались во дворѣ сторожить экипажи и слѣдить, не загорается ли домъ.

Таковъ былъ конецъ этого печальнаго дня, воспоминаніе о которомъ не изгладится изъ моей памяти. Можно себѣ представить, какую тревожную ночь мы провели; мы не знали, гдѣ найти пріютъ, такъ какъ меня увѣрили, что нашъ домъ тоже сгорѣлъ; но сосѣдніе дома загорѣлись, все изъ него выѣхали, а между тѣмъ онъ уцѣлѣлъ.

Попастъ въ Петровское мы не могли безъ офицера, а нашъ не хотѣлъ туда ѣхать. Мы бродили изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Все носило слѣды разрушенія, и городъ, который я еще такъ недавно видѣла богатымъ и пышнымъ, представлялъ собою груды пепла и обломковъ, между которыми мы бродили, какъ привидѣнія.

Наконецъ намъ захотѣлось вернуться въ прежнее жилище, такъ какъ мы думали, что оно не сгорѣло. Дѣйствительно, домъ стоялъ такимъ же, какъ мы его оставили, съ тою только разницею, что внутри солдаты все поломали. Мы отыскивали припрятанные съѣстные припасы, не найденные грабителями. Наканунѣ мы ничего не ѣли, и офицеръ завелъ рѣчь объ обѣдѣ. Вынесли столъ, нѣсколько уцѣлѣвшихъ стульевъ и состряпали что-то въ родѣ обѣда. Представьте себѣ столъ посреди улицы, со всехъ сторонъ горящіе дома и дымящіяся развалины, огненную пыль, несущуюся намъ прямо въ глаза, поджигателей, которыхъ тутъ же разстрѣливаютъ, солдатъ, несущихъ награбленную добычу: вотъ какова была обстановка этой плачевной трапезы.

Увы, недалеко было время, когда мы должны были увидеть зрѣлище еще болѣе ужасное. Послѣ обѣда мы снова стали размышлять, гдѣ найти пріютъ. Намъ посоветовали обратиться къ полковнику, который завѣдывалъ этой мѣстностью, и попросить его дать намъ офицера, чтобы проводить насъ въ главный штабъ. Пріятельница моя пришла въ полное отчаяніе и уже не помышляла о поѣздкѣ туда. Но надо было на что нибудь рѣшиться, и я отправилась на поиски этого полковника (полковникъ Сикарь, убитый въ 1813 году), человека самаго честнаго и хорошаго, какого я когда либо встрѣчала; онъ сдѣлался нашимъ избавителемъ.

Послѣ нѣкотораго перерыва, снова принимаюсь за мой печальный дневникъ. Я еще не настолько освоилась съ своимъ положеніемъ, чтобы не бросить взгляда назадъ; чувствую, что можно извлечь выгоду изъ всевозможныхъ обстоятельствъ жизни. Несчастія дали мнѣ нѣсколько философскій взглядъ и съ нимъ возможность спокойно смотрѣть на событія. До этихъ поръ у меня была тьма потребностей и желаній, неисполненіе которыхъ заставляло меня страдать; теперь же я чувствую, что съ небольшимъ мужествомъ можно все перенести. Когда въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ человѣкъ страдалъ отъ жажды, голода, холода, усталости и лишеній всего, что дѣлаетъ жизнь покойной и пріятной, можно начать презирать судьбу и спокойно смотрѣть въ будущее.

Много написано по поводу пожара Москвы. Подробности о томъ, что происходило внутри города со времени выхода Русскихъ и вступленія Французовъ, въ большинствѣ не точны. Только иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ, могутъ рассказывать вѣрно. Наиболѣе интересныя подробности далъ Сюрюгъ, аббатъ католической церкви. Скромность заставила его обойти молчаніемъ все добро, которое оказано имъ несчастнымъ. Я считаю своимъ долгомъ напомнить объ этомъ здѣсь.

Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, гдѣ бѣдные иностранцы находили во всякое время пріютъ. Пока городъ горѣлъ, солдаты грабили его. Всѣ женщины, дѣти и старики попрятались въ церкви. Когда появились солдаты, аббатъ Сюрюгъ открылъ двери и, въ полномъ облаченіи, съ распятіемъ въ рукахъ, окруженный этими несчастными, единственною опорю которыхъ былъ онъ, съ увѣренностью предсталъ передъ озвѣрѣлыми солдатами, которые съ уваженіемъ попятились передъ нимъ. Какъ не нашелся художникъ для такой картины? Она стояла бы тѣхъ, что были написаны лицами, даже не видавшими пожара.

Аббатъ Сюрюгъ попросилъ стражу для охраны несчастныхъ семей, и ему ее тотчасъ же дали. Наполеонъ захотѣлъ его видѣть и всячески убѣждалъ вернуться во Францію. „Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я не хочу бросать свое стадо, которому могу еще быть полезенъ“. Хотя въ сѣстныхъ припасахъ уже чувствовался недостатокъ, ихъ всетаки посылали аббату, и онъ дѣлил ихъ, какъ добрый пастырь.

Когда Французы приблизились къ Москвѣ, я жила въ домѣ генерала Дивова. Дивова, урожденная графиня Бутурлина, уѣзжая, оставила меня тамъ въ надеждѣ, что въ ихъ домѣ*) я подвергнусь меньшей

*) На Большой Дмитровкѣ, рядомъ съ Университетскою типографіею, въ наши дни барона Шеппинга. П. Б.

опасности и могла напомнить Французскимъ офицерамъ, какъ дружески относилась императрица Жозефина къ этой семьѣ въ бытность ея въ Парижъ *). Къ несчастью, въ данномъ случаѣ не всегда имѣешь дѣло съ офицерами, а солдаты мало обращаютъ вниманія на рекомендаціи, даже самыя лестныя. Я скрылась, какъ уже говорила, въ мѣстность болѣе удаленную отъ опасности. Вернулась я въ этотъ домъ, который считала жертвою пламени, только тогда, когда водворился нѣкоторый порядокъ въ городѣ. Войдя, я увидала офицера, сидящаго за моимъ туалетомъ. Онъ такъ былъ занятъ чтеніемъ моихъ писемъ, что, сидя спиною къ двери, не видалъ меня. „Сударь, сказала я ему, мнѣ очень непріятно беспокоить васъ; но вы въ моей квартирѣ“...

„А, сударыня, я въ восторгѣ, отвѣчалъ онъ, не вставая; не правда ли я имѣю удовольствіе говорить съ м-ль Бетси?“ — „Нѣтъ“ съ удивленіемъ отвѣчала я. — „М-ль Генриеттою?— А она здѣсь?“ „Однако, сударь, я не вижу, чѣмъ это можетъ интересовать васъ и почему задаете вы мнѣ подобный вопросъ“. „Простите, это меня очень интересуетъ, ибо я только что прочелъ очаровательныя письма...“

Для поясненія я должна сказать, что дочь моя уѣхала во Францію въ Маѣ 1812 года. Она состояла въ перепискѣ съ подругою, недавно вышедшею замужъ; молодыя женщины писали въ легкомысленномъ тонѣ съ участіемъ своихъ мужей и не могли предположить, что письма попадутся въ руки кавалерійскаго офицера. Называли они себя Генриеттою и Бетси. Эти письма, о существованіи которыхъ я не знала, остались въ ящикѣ туалетнаго стола и служили для папильотокъ. Я видѣла, какое дѣйствіе произвели они на полковника по тому игривому тону, который онъ принялъ со мною. „Я уступаю вамъ мѣсто, сударь, вы можете продолжать розыски; только до сего дня я думала, что военные должны защищать женщинъ, а не оскорблять ихъ“.

„Оставайтесь, сударыня, отвѣчалъ онъ немного сконфуженный; я ухожу; впрочемъ я все равно долженъ былъ уступить этотъ домъ генералу“, и онъ вышелъ.

Жена дворника помогла мнѣ возстановить нѣкоторый порядокъ и рассказала, что произошло за время моего отсутствія. Едва успѣла я привести въ порядокъ помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ, какъ вошелъ другой офицеръ; это былъ несчастный генералъ Шартранъ, разстрѣленный впоследствии въ Лилѣ (я оплакивала его). Его старый отецъ умеръ съ горя, узнавъ объ осужденіи сына. Это былъ военный, мало пріятный въ обращеніи для тѣхъ, кто его плохо зналъ; но между товарищами онъ слылъ за храбреца и быстро выдвинулся по службѣ.

*) Николай Адриановичъ Дивовъ, младенцемъ, спживалъ на колѣнахъ у Наполеона. П. Б.

„Сударыня, довольно рѣзко сказалъ онъ, мнѣ досадно; но намъ нуженъ весь домъ, и то едва ли мы все размѣстимся.“

„То есть, сударь, вы указываете мнѣ на дверь моей собственной квартиры?“

„Вашей? Я этого не знаю... но домъ принадлежитъ генералу, и генераль же долженъ занимать его; къ тому же существуютъ дома для безпріютныхъ.“

„Но вѣдъ безпріютными считаются тѣ, у которыхъ сгорѣли жилища, въ данномъ же случаѣ этого нѣтъ; я живу въ этомъ домѣ давно и по желанію владѣльцевъ. Городъ, думается мнѣ, не взять приступомъ, и развѣ мы не Французы?“

„Да, Русскіе Французы. Почему вы не уѣхали?“

„Лучшаго бы я не желала и не для удовольствія осталась здѣсь. Мнѣ кажется многое перемѣнилось во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда выѣхала: тогда мужчины были вѣжливы.“

„Ну, сударыня, въ походѣ трудно быть вѣжливу, къ тому же намъ необходимъ этотъ домъ; вотъ и все.“

„Отлично; разъ вы такъ говорите, предупреждаю, что не выйду изъ дома, развѣ только солдаты вынесутъ меня на рукахъ; вотъ будетъ достойный подвигъ!“

Онъ вышелъ что-то бормоча. Я была въ ярости и послала жену дворника за огнемъ; она вернулась и сказала, что факель вырвали у нея изъ рукъ. Тогда я пошла наверхъ и встрѣтила генерала Кюриала, котораго раньше не знала (одного изъ лучшихъ людей, до отчаянія хладнокровнаго).

„Вѣдъ это же грабежъ, генераль! Одинъ изъ вашихъ офицеровъ приходитъ ко мнѣ, чтобы выгнать меня за дверь; солдаты вырываютъ факель изъ рукъ горничной...“

„Вамъ его вернуть; что же касается помѣщенія, то, за недостаткомъ мѣста, я принужденъ оставить его за собою; но никто не заставляетъ васъ выѣзжать тотчасъ же: вамъ дадутъ время подыскать другую квартиру“.

„Будьте увѣрены, генераль, что я поспѣшу это сдѣлать, такъ какъ не имѣю ни малѣйшаго желанія оставаться здѣсь.“

Капитанъ Л., сынъ сенатора, адъютантъ генерала Кюриала, проводилъ меня съ факеломъ до моей квартиры и вѣжливо раскланялся. Его семья, по возвращеніи моемъ во Францію, осыпала меня любезностями и выказала большое участіе.

Полчаса спустя, тотъ же офицеръ пришелъ сказать, что генераль просить у меня чести отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Я было хотѣла отказать, но подумала, что, можетъ быть, будетъ благоразумнѣе не становиться во враждебныя отношенія съ этими офицерами и согласилась. Л., увидавъ гитару, спросилъ: „Сударыня музыкантша?“

„Я пою въ оперѣ“, отвѣчала я.

„Насъ обнадежили, что мы будемъ имѣть удовольствіе слышать васъ.“

Я не отвѣчала. Въ ожиданіи обѣда я принарядилась. Л. пришелъ за мною. Генераль Кюриаль посадилъ меня рядомъ съ собою. Шартранъ, сидѣвшій напротивъ, всячески старался заговорить со мною; я ему холодно отвѣчала только кивками головы.

„Вы сердитесь на Шартрана?“ спросилъ генераль.

„Я? Нисколько. Хотя полковникъ не представляетъ собою образца Французской вѣжливости и обращается со мною по военному, но я не имѣю права жаловаться“.

Видя, что онъ смущенъ, я не продолжала этой шутки, и разговоръ перешелъ на другое. Послѣ обѣда я вернулась къ себѣ, и на этотъ разъ меня проводилъ братъ генерала Кюриала (военный комисаръ, убитый потомъ при Глогау). Онъ былъ очень любезенъ и общалъ, что спокойствіе мое не будетъ болѣе нарушено. Я со смѣхомъ отвѣчала, что мнѣ теперь все равно.

Не смотря на тревожное время, разыскали оставшихся въ Москвѣ артистовъ, и былъ отданъ приказъ, чтобы они пѣли и играли во дворцѣ. Подобный приказъ трудно было исполнить въ городѣ, гдѣ все было перевернуто верхъ дномъ; у женщинъ не было ни туалетовъ, ни башмаковъ, у мужчинъ ни платья, ни сапогъ, не было гвоздей для декораций, масла для лампъ и тому подобное.

Графъ Боссе попросилъ меня къ себѣ. „Мы хотимъ, сказалъ онъ, собрать оставшихся артистовъ и дать передъ императоромъ нѣсколько представленій и концертовъ. Торкани увѣрялъ меня, что вы пріятная пѣвица.“

„Какъ? Я должна пѣть передъ императоромъ? Но вѣдь я очень скромная пѣвица романсовъ, маленькихъ пѣсенокъ, Итальянскихъ же вещей я не пою съ тѣхъ поръ, какъ потеряла голосъ“.

„Но вѣдь вы пѣли дуэты съ Торкани?“

„Да; но дамы слушали меня снисходительно, судили меня не по качеству пѣнія, а по той доброй волѣ, которая слышалась въ моемъ пѣніи. Предстать передъ императоромъ? Одна мысль объ этомъ парализуетъ меня. Онъ знатокъ, и ему трудно угодить. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ.“

„Тогда, сказалъ Боссе, будемъ играть водевиль и комедію.“

„А, это другое дѣло“. Я сказала Боссе, что, разъ онъ хочетъ моего участія, пусть дастъ мнѣ хоть помѣщеніе. Онъ обѣщаль по-стараться, и я вернулась, гордая тѣмъ, что могу проститься съ моими сожителями. Сдѣлала я это не безъ кокетства.

За обѣдомъ я была очень весела; говорили о театрѣ, о музыкѣ и когда встали изъ стола, попросили меня спѣть. Я не противилась. Меня осыпали комплиментами; я встала и сказала: „Господа, я говорю вамъ—прощайте; съ завтрашняго дня вы можете располагать моимъ помѣщеніемъ.“—„О нѣтъ, сказалъ генераль, мы противъ этого“.

„Какъ, господа, вѣдь вы хотѣли силою заставить меня выѣхать?“—
„А теперь мы готовы употребить ту же силу, чтобы васъ удержать“.

На слѣдующій день ко мнѣ явился Боссе съ полковникомъ Шартраномъ, который принесъ мнѣ свои извиненія. По совѣту того же Боссе я осталась.

Я уже говорила, что Русскіе вельможи имѣли собственные театры. Позняковскій былъ самымъ большимъ и уцѣлѣлъ отъ огня; его приспособили къ спектаклямъ; тамъ мы и играли*). Въ казармахъ нашлись ленты и цвѣты. Мы играли до кануна выхода Французовъ, и Наполеонъ былъ очень щедръ по отношенію къ намъ. Онъ рѣдко бывалъ самъ въ театрѣ, но вотъ что однажды случилось со мною, когда ему пришла фантазія присутствовать на спектаклѣ. Давалась пьеса „Открытая война“. Я пѣла на сценѣ у окна выбранный мною романсъ, имѣвшій всегда большой успѣхъ въ Московскомъ обществѣ; онъ былъ написанъ Фишеромъ, Нѣмецкимъ композиторомъ, и не былъ нигдѣ напечатанъ.

Аплодисментовъ не полагалось въ присутствіи императора, но этотъ романсъ, котораго никто не зналъ, произвелъ впечатлѣніе. Наполеонъ, за разговорами, не слышалъ его. Онъ спросилъ Боссе, что значать аплодисменты, и Боссе, префектъ дворца, пришелъ сказать мнѣ, чтобы я повторила романсъ. Это такъ взволновало меня, что голосъ задрожалъ, и я не надѣялась окончить. Однако я овладѣла собою, и съ той поры романсъ вошелъ въ такую моду, что я безпрестанно должна была его пѣть, а Неаполитанскій король велѣлъ положить его на ноты. Романсъ былъ рыцарскаго содержанія и слова довольно хороши. Это я привезла его въ Парижъ.

Рыцарь, стремящійся въ бой,

Такъ на прощаньи утѣшалъ свою возлюбленную:

„На погѣ честной битвы мною руководить любовь,
Она укрѣпляетъ мою руку; не бойся за мою жизнь.“

*) Домъ на Большой Никитской, нынѣ В. Н. Семенковича. П. Б.

Я вернусь съ двойными лаврами:
 Любовникъ, вдохновленный любовью,
 Умѣетъ владѣть лирою трубадура
 И вѣрно направлять копье война.
 Побѣдителемъ вернусь я къ тебѣ
 И получу награду за свою храбрость.
 Сердце мое служить залогомъ твоей вѣры,
 А любовь залогомъ твоего постоянства.
 Я вернусь съ двойными лаврами и т. д.
 Увы, я долженъ покинуть эти мѣста.
 Пусть твое сердце положится на мою храбрость.
 Скажи: въ залогъ нашего прощанья
 Онъ изъ моихъ рукъ получилъ оружіе;
 Онъ вернется, покрытый лаврами.
 Любовникъ, вдохновленный любовью,
 Умѣетъ владѣть лирою трубадура
 И вѣрно направлять копье“.

Когда мы менѣ всего этого ожидали, заговорили объ отъѣздѣ. Офицеры и генералы съ жалостью предвидѣли, что многіе, такъ называемые Русскіе Французы могутъ стать жертвами ярости солдатъ; они предлагали намъ покинуть Россію или по крайней мѣрѣ переѣхать въ Польшу. Особенно женщины возбуждали состраданіе, такъ какъ онѣ не могли найти лошадей, другія не были въ состояніи оплатить ихъ. Я тѣмъ менѣ расположена была уѣзжать, что моя матеріальная выгода заставляла меня желать остаться въ Россіи; но мнѣ насказали такихъ ужасовъ, что я рѣшилась уѣхать.

Клеманъ Тинтиньи, ординарецъ императора и племянникъ Коленкура, предоставилъ въ мое распоряженіе своихъ людей и экипажъ: это былъ очень хорошій дормезъ. Мѣховыя вещи у меня уцѣлѣли, и я чувствовала себя такъ хорошо, какъ только могло быть при подобныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ всѣ выѣзжали изъ города, то я должна была присоединиться къ нимъ въ назначенномъ мѣстѣ. Я послала впередъ все, что могла увезти, а остальное бросила. Я пошла по Тверскому бульвару, пока еще пустынному, такъ какъ войска проходили по другимъ улицамъ; я нарочно выбрала эту дорогу, чтобы избѣжать давки на мосту. Съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣла я на этотъ городъ, гдѣ виднѣлись только развалины, какъ вдругъ на меня набросилась цѣлая стая собакъ. Собаки въ Россіи служатъ сторожами и сидятъ ночью у наружныхъ дверей; онѣ настолько опасны, что даже мушкетеры ходятъ не иначе, какъ съ палкою. Если въ обыкновенное время приходится принимать такія предосторожности, судите, какъ опасно было встрѣтить ихъ въ то время, когда онѣ не находили себѣ пищи.

Когда онѣ кинулись на меня, я чуть не упала со страха, однако имѣла достаточно присутствія духа отскочить отъ подъѣзда, такъ какъ онѣ обыкновенно стерегутъ только свой домъ. Но они настолько оголодали, что кинулись вслѣдъ за мною и въ клочья изорвали шаль и платье, а послѣднее было на ватѣ и изъ довольно плотной матеріи. Я уже не знала, какого святаго призывать, какъ, наконецъ, мои крики привлекли вниманіе прохожаго, вѣроятно посланнаго мнѣ Небомъ, потому что въ этой части города трудно было кого нибудь встрѣтить. Это былъ мужикъ, вооруженный толстой палкою, и ею онѣ не безъ труда разогналъ собакъ. Я принуждена была вернуться домой, куда не думала больше возвращаться, и рада была найти оставленное платье, такъ какъ мое превратилось въ лохмотья. Я до сихъ поръ содрогаюсь при мысли, что собаки могли быть бѣшенными... Такое начало не было добрымъ предзнаменованіемъ. Когда я нагнала экипажъ ординарцевъ, ихъ самихъ уже не было: они уѣхали съ императоромъ.

Погода стояла чудная, и я далека была отъ мысли о бѣдствіяхъ, которыя послѣдовали; если бы я только могла ихъ предположить, ничто не заставило бы меня покинуть Москву. Я рассчитывала доѣхать до Минска или Вильны и тамъ подождать, пока все успокоится.

Прошло всего три дня, а мы уже начали подвергаться большимъ опасностямъ, которыя увеличивались по мѣрѣ движенія впередъ. Я расскажу только о своихъ и о тѣхъ двѣнадцати дняхъ, когда я находилась въ постоянномъ страхѣ. Утромъ я себѣ говорила: весьма вѣроятно, что я не доживу до вечера, но какого рода смерть постигнетъ меня? Подъ Смоленскомъ начались самыя тяжкія бѣдствія.

Я отмѣтила начало этихъ ужасныхъ дней: 6 Ноября 1812 года. Это была Пятница, и мы были близъ Смоленска. Офицеръ, въ экипажѣ котораго я ѣхала, отдалъ кучеру приказъ быть тамъ къ вечеру. Кучеръ былъ Полякъ, самый медлительный и неловкій, какихъ я когда либо встрѣчала. Онѣ провелъ всю ночь, по его словамъ, въ поискахъ за фуражемъ, а лошадей оставилъ мерзнуть. Когда онѣ ихъ запрягъ, онѣ не могли двигать ногами; двѣ изъ нихъ околѣли, и мы не имѣли возможности на оставшихся трехъ ѣхать дальше. Мы остановились у въѣзда на загроможденный мостъ до Субботы, 7-го числа. Обдумавъ, что мнѣ дѣлать, я рѣшила, какъ только разсвѣнетъ, бросить экипажъ, перейти пѣшкомъ мостъ и просить помощи или мѣста въ какомъ нибудь экипажѣ у генерала, распорядившагося на другомъ концѣ моста; но кучеръ, спустивъ окно, сказалъ, что нашелъ двухъ лошадей. Я отлично понимала, что онѣ ихъ присвоилъ, но въ то злополучное время это было обыкновенное дѣло: крали другъ у друга всѣ нужныя вещи,

будучи увѣрены въ безнаказанности; опасность грозила только въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія, потому что тогда воръ рисковалъ быть высѣченъ. Ежедневно слышалось: „О Боже, у меня украли плащъ, у меня украли чемоданъ, у меня украли хлѣбъ, лошадь“, и это начиная съ генерала и кончая солдатомъ. Однажды Наполеонъ, увидавъ на офицерѣ прекрасную шубу, спросилъ, смѣясь: „У кого вы ее украли?“ — „Государь, я ее купилъ“. — „У спящаго?“ Это слово пошло въ ходъ, и я сдѣлала тоже самое.

Мы двинулись въ путь, не размышляя, кому принадлежать лошади, и счастливые тѣмъ, что могли перебраться черезъ мостъ. Досадно было, что кража не особенно удалась, потому что лошади были вовсе не хороши. Мы пытались подвигаться впередъ, а насъ постоянно задерживали. „Пропустите, говорили намъ, экипажи маршала, экипажи генерала такого-то, потомъ такого-то“. Я приходила въ отчаяніе, какъ вдругъ замѣтила близъ себя генерала (Ларибуасьера), распорядившагося нашей стороною. „Ради Бога, генераль, сказала я, пропустите мой экипажъ; я здѣсь со вчерашняго утра, и лошади едва волочатъ ноги. Я погибну, если не догоню главную квартиру и не буду знать, что мнѣ дѣлать“. Я плакала, потому что легче прихожу въ отчаяніе отъ мелкихъ препятствій, нежели отъ большихъ. „Подождите минутку, сударыня, отвѣчалъ онъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы пропустить васъ“. Онъ поговорилъ съ жандармомъ и приказалъ причислить мой экипажъ къ экипажамъ герцога Экмюльскаго. Не знаю почему, жандармъ принялъ меня за жену генерала Лористона и разсыпался въ любезностяхъ. Когда мы, наконецъ, вѣхали на мостъ, по обѣ стороны его стояли генералы, полковники, офицеры, поставленные тамъ, чтобы торопить переправу, такъ какъ я потомъ узнала, казаки были недалеко. Едва проѣхали мы по мосту, какъ лошади отказались идти дальше. Всякій экипажъ, задерживавшій движеніе, должно было, по приказу, сжигать. Я очутилась въ худшемъ положеніи, нежели накануне; со всѣхъ сторонъ кричали: „Экипажъ мѣшаетъ, сжечь его“. Солдаты, довольные такимъ случаемъ, потому что грабили сжигаемые экипажи, также кричали: „Сжечь, сжечь!“ Нѣсколько офицеровъ сжалились, наконецъ, надо мною и отдали приказъ: „солдаты, къ колесамъ!“ Приказъ исполнили, и солдаты вывезли насъ. Когда мы, наконецъ, переѣхали, ко мнѣ подошелъ прежній жандармъ. Я не рѣшалась предложить ему денегъ, потому что онъ тогда не цѣнились, а хлѣба или водки у меня не было. „Не знаю, чѣмъ поблагодарить насъ“, сказала я... „О, сударыня, жена генерала... генеральша имѣетъ столько средствъ... Позвольте мнѣ, когда понадобится, обратиться къ вашей

помощи“. — „Можете“, отвѣчала я, смѣясь, и онъ остался очень доволенъ.

Я наблюдала за страшнымъ зрѣлищемъ, которое представляла эта злополучная армія. Каждый солдатъ уносилъ что только могъ изъ награбленнаго: одни одѣлись въ мужицкіе кафтаны или въ короткую мѣховую кофту съ толстой кухарки, другіе—въ богатое платье купчихи и почти все—въ атласныя мѣховыя ротонды. Дамы, надѣвая ротонды только въ защиту отъ холода, дѣлають ихъ черными; но горничныя, купчихи, вообще простонародье, видять въ нихъ предметъ роскоши и носятъ розовыя, синія, лиловыя и бѣлыя. Ничего не могло быть смѣшнѣе (если бы обстоятельства не были такъ печальны), какъ видѣть стараго усатаго гренадера въ розовой атласной ротондѣ. Несчастные защищались отъ холода, какъ могли, и часто сами смѣялись надъ такимъ маскарадомъ. Это напоминаетъ мнѣ довольно забавное происшествіе.

Гвардейскій полковникъ приказалъ остановить мой экипажъ, потому что самъ остановился съ полкомъ. Мой человѣкъ старался убѣдить его, что экипажъ принадлежитъ Тинтиньи, племяннику оберъ-штабмейстера. „Наплевать, отвѣчалъ онъ: ты не пройдешь“. Я проснулась отъ шума ссоры, и вѣроятно полковникъ въ эту минуту замѣтилъ меня, потому что сказалъ: „Извините, я не зналъ, что въ каретѣ дама“. Я выглянула и, увидавъ его въ голубой ротондѣ, улыбнулась. Онъ, вѣроятно, тоже вспомнилъ о своемъ костюмѣ и разразился смѣхомъ. Нахохотавшись въ волю, мы объяснились. „Правда, сказалъ онъ, полковникъ гренадеровъ въ голубомъ атласѣ довольно смѣшенъ; но я замерзалъ и купилъ ее у солдата“. Мы разговаривали довольно долго, и онъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ скудные остатки провизіи. Зажгли костеръ, срубили ель и устроили нѣчто, названное полковникомъ хижиною Анны и Любена. Увы, чахлыя еловыя вѣтки не защищали пастушковъ отъ холода, а пѣніе соловья замѣнялось зловѣщимъ карканьемъ ворона.

Пріѣхала я въ Смоленскъ въ три часа по полудни. Меня уже считали погибшею. Наканунѣ послали на розыски людей съ лошадьми, но тѣ предпочли въ дорогѣ переночевать и вернулись только черезъ день утромъ. Мы уже не рассчитывали больше на коляску, однако она пріѣхала къ вечеру, но въ плачевномъ состояніи. Не смотря на розказни людей, было ясно, что они-то насъ и обокрали. Что касается меня, то я потеряла все, и мои чемоданы, положенные въ офицерскіе экипажи, были захвачены казаками. Оставался одинъ сундукъ съ драгоценностями и деньгами въ пріѣхавшей коляскѣ. Я приготовилась къ

худшему, но Тинтиньи успокоивалъ меня, говоря: „Я дамъ вамъ одного изъ моихъ товарищей; онъ хотя и раненъ, но съумѣетъ заставитьъ слушаться людей. Каждый вечеръ вы будете подъѣзжать къ мѣсту нашей остановки; я надѣюсь, такимъ образомъ съ вами ничего не случится“. Въ Смоленскѣ я отдыхала цѣлый день и выѣхала только на слѣдующее утро.

Во Вторникъ, 10-го Ноября, мы двинулись въ путь съ товарищемъ Тинтиньи. „Онъ—другой я, сказалъ мнѣ Тинтиньи; съ нимъ вамъ нечего бояться“. Онъ не былъ справедливъ, приравнивая себя къ этому господину, потому что между ними была большая разница. Не смотря на похвалу, онъ сразу мнѣ не понравился. Хотя это былъ человѣкъ невоспитанный и занятый только собою, я оказывала ему всякія услуги, требуемая его состояніемъ.

Вскорѣ я замѣтила, что лошади наши были нисколько не лучше прежнихъ; впрочемъ несчастныхъ животныхъ такъ плохо кормили, что онѣ едва волочили ноги. Медленно двигались мы до 11 Ноября. Мой товарищъ бѣсился, что сѣлъ въ коляску, и очень боялся встрѣчи съ казаками. „Еслибы у меня была лошадь, я бы наплевалъ на коляску; но я не могу найти слуги, который долженъ былъ ее привести“. Это не служило къ моему успокоенію; однако я извиняла его, потому что рана его была настолько серьезна, что онъ не могъ идти пѣшкомъ. Наконецъ мы рѣшили послать въ главную квартиру сказать Тинтиньи, что если онъ не дастъ намъ другихъ лошадей, мы не въ состояніи ѣхать дальше. Чтобы не потерпѣть отъ небрежности слуги, мы послали форейтера, а слугу съ кучеромъ за фуражемъ.

Снова остановилась я среди большой дороги, по крайней мѣрѣ не одна: проходили войска, солдаты останавливались бивуакомъ.

Посланные не возвращались съ фуражемъ, и мы боялись, не попали ли они въ плѣнъ. Около десяти часовъ вечера мой любезный товарищъ встрѣтилъ своего полковника, и я слышала, какъ онъ говорилъ: „Полковникъ, я былъ раненъ, меня помѣстили въ этотъ экипажъ; такъ какъ лошади отказываются идти, я послалъ людей за фуражемъ; думаю, что они насъ бросили, потому что до сихъ поръ не возвращаются“. „Совѣтую вамъ, отвѣчалъ полковникъ, сѣсть верхомъ, а коляску сжечь“. „Я очень вамъ благодарна за совѣтъ, сказала я; замѣчу только, что этотъ господинъ не имѣетъ никакого права на коляску: она дана исключительно мнѣ“. Сказавъ, я отвернулась и крѣпко заснула. Около полуночи спутникъ мой отыскалъ слугу и лошадь и съ такою поспѣшностью выскочилъ изъ экипажа, что даже не имѣлъ времени извиниться передо мною; однако не забылъ захватить единственный остав-

шійся хлѣбъ. Я была возмущена, однако чувствовала себя гордою тѣмъ, что оказалась храбрѣе, нежели мужчина; впрочемъ не скрывала отъ себя, что положеніе мое менѣе всего пріятно, но, по своему обыкновенію, вооружилась хладнокровіемъ и стала спокойно ждать утра.

Луна свѣтила довольно ярко, и я различала солдатъ, спавшихъ въ двадцати шагахъ отъ меня. Я рѣшила подождать еще часъ и если до того времени никто не проѣдетъ мимо, идти пѣшкомъ, пока не встрѣчу экипажъ или телѣгу, на которую я могла бы сѣсть.

Пока я предавалась размысленіямъ, вернулись слуга и кучеръ съ кормомъ. Я такъ обрадовалась, увидя знакомыя лица, что и не подумала ихъ бранить. Нужно побывать въ моемъ положеніи, чтобы почувствовать, какъ намекъ на лучшее кажется уже хорошимъ; нужно имѣть для питья только воду, въ которой валялись трупы, чтобы чувствовать удовольствіе отъ стакана чистой воды; нужно испытать голодь, чтобы оцѣнить кусокъ хлѣба. Жизнь даетъ иной разъ наслажденія, о которыхъ не снилось счастливымъ людямъ.

Я рассказала слугамъ, какъ бросилъ меня товарищъ ихъ барина. Они возмутились, но возмущеніе ихъ еще усилилось, когда они узнали, что тотъ увезъ хлѣбъ, на часть котораго они рассчитывали; они знали, что я дѣлила съ ними все, что имѣла. Казаки были недалеко, и мы рѣшили запрячь въ коляску верховыхъ лошадей.

Только что собирались мы это сдѣлать, какъ вернулся слуга съ лошадьми. Мы дали имъ отдохнуть и двинулись въ путь.

Весь слѣдующій день мы были окружены казаками и дѣлали столько объѣздовъ, избѣгая встрѣчи съ ними, что подвинулись впередъ на какую-нибудь версту. Испытанныя нами задержки отбросили насъ къ арьергарду арміи, и мы очутились, какъ я потомъ узнала, въ толпѣ отсталыхъ. Это были солдаты всѣхъ націй, не принадлежавшіе ни къ какой части или бросившіе ее, одни потому, что ихъ полки были почти поголовно истреблены, другіе потому, что не хотѣли больше драться. Они побросали ружья и шли, куда глаза глядѣли; ихъ было такъ много, что они затрудняли движеніе въ тѣсныхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Полковникъ, съ оторванной рукой, попросилъ мѣста въ моемъ экипажѣ. Я поспѣшила дать согласіе, но предупредила, что лошади совсѣмъ измучены, что я скоро принуждена буду ихъ бросить. Не прошло получаса, какъ всѣ остановились. Офицеръ шепнулъ что-то на ухо полковнику, и онъ вышелъ изъ экипажа; я сдѣлала тоже и подошла къ дамѣ, сидѣвшей въ берлинкѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ знакомства завязываются быстро: ничто такъ не сближаетъ людей,

какъ несчастіе. „Мнѣ кажется, сказала я, что казаки очень близко, потому что офицеръ что-то тихо сказалъ полковнику, ѣхавшему со мною, и тотъ, пробормотавъ извиненіе, сѣлъ на лошадь, хотя едва имѣлъ силы на ней держаться“. Въ ту же минуту слуги доложили намъ, что впереди оврагъ, который невозможно переѣхать въ экипажѣ, казаки по близости, надо садиться верхомъ и спасаться. Мы пытались придать имъ храбрости. „Попробуемъ, по крайней мѣрѣ, сказала я имъ; если онъ сломается, всегда будетъ время его бросить“. „Пойдите, посмотрите сами, что проѣхать невозможно“, отвѣчали они. Мы пошли и убѣдились, что они правы. Правда, рядомъ была большая дорога, но по ней ежеминутно летали ядра. Мы рѣшились на крайнюю мѣру: поѣхали верхомъ цѣлизною по полю, покрытому снѣгомъ. Бѣдныя лошади вязли по животъ и совсѣмъ выбивались изъ силъ, потому что цѣлый день не ѣли. И вотъ я въ полночь, верхомъ, имѣя только то, что на мнѣ, не зная дороги и умирая отъ голода. Въ два часа ночи нагнали мы колонну, которая тащила части пушки. Это была Суббота, 14-го.

Я спросила офицера, командира колонны, далеко ли до главной квартиры. „Будьте покойны, отвѣчалъ онъ мрачно, мы ея не догонимъ, потому что если насъ не захватятъ этою ночью, мы попадемся завтра; избѣжать этого невозможно“. Не имѣя понятія, куда идти, онъ остановилъ свою часть. Солдаты хотѣли развести огонь, чтобы согрѣться; онъ запретилъ, говоря, что огни откроютъ ихъ непріятелю. Я сошла съ лошади и сѣла на кучу соломы, положенную на снѣгъ. Тутъ нашла на меня минута отчаянія.

Кучеръ подѣхалъ съ каретою, и мы медленно двигались всю ночь при заревѣ горѣвшихъ деревень и громѣ пушекъ. Изъ рядовъ выходили несчастные раненые; одни, изнуренные голодомъ, просили ѣсть; другіе, умиравшіе отъ холода, просили взять ихъ въ карету и умоляли о помощи, которую мы не могли оказать: ихъ было такъ много! Слѣдовавшіе за арміей просили взять дѣтей, которыхъ они не въ силахъ были нести дальше; это была сцена отчаянія: приходилось страдать за себя и за другихъ.

Когда показалось Красное, кучеръ заявилъ, что лошади не въ состояніи идти дальше. Я сошла въ надеждѣ найти главную квартиру въ городѣ. Разсвѣтало. Я пошла вслѣдъ за солдатами и подошла къ необычайно крутому спуску; это была какъ бы ледяная гора, по которой солдаты скатывались на колѣняхъ. Не желая имъ подражать, я сдѣлала обходъ и благополучно сошла внизъ. Я спросила у офицера,

гдѣ главная квартира. „Думаю, что еще здѣсь, но не долго останется, такъ какъ городъ начинаетъ горѣть“.

Пожаръ распространялся очень быстро, благодаря тому, что городъ весь состоялъ изъ деревянныхъ построекъ, а улицы были необычайно узки. Я бросилась бѣжать, горящія бревна грозили упасть на меня. Одинъ жандармъ любезно вызвался сопровождать меня и поддерживалъ до выхода изъ города, такъ какъ толпа была настолько плотна, что насъ толкали во всѣ стороны... Онъ спросилъ, зачѣмъ я захотѣла пройти городомъ. „Чтобы найти офицеровъ изъ квартиры императора“. — „Императоръ давно уже проѣхалъ, вы не можете его догнать“. — „Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только умереть, у меня нѣтъ силъ идти дальше“.

Я чувствовала, какъ холодъ проникалъ въ мою кровь. Говорятъ, что замерзаніе очень пріятная смерть; я охотно этому вѣрю. Я слышала, какъ мнѣ говорили: „Не оставайтесь здѣсь... встаньте...“; меня трясли за руку, и это безпокойство было мнѣ непріятно. Я испытывала сладкую истому, какъ человѣкъ, мирно засыпающій. Наконецъ я перестала что-либо слышать и лишилась чувствъ. Когда я пришла въ себя, то оказалась въ крестьянской избѣ. Меня закутали въ шубу и кто-то держалъ руку, щупая пульсъ: это былъ баронъ Деженеттъ. Я была окружена народомъ и, казалось, проснулась отъ глубокаго сна, но не могла сдѣлать ни одного движенія: такъ велика была слабость. Генералъ Бурманъ, котораго я тогда еще не знала, наблюдалъ за мной съ участіемъ. Старый маршалъ Лефевръ подошелъ и сказалъ: „Ну, какъ дѣла? Издалека вы возвращаетесь!“

Я узнала, что меня подобрали на снѣгу, сначала хотѣли положить къ сильному огню, но баронъ Деженеттъ воскликнулъ: „Берегитесь, вы этимъ уморите ее; заверните ее во всѣ имѣющіяся шубы и положите въ нетопленную избу“. Тамъ я лежала довольно долго. Когда я начала понемногу согрѣваться, маршалъ принесъ мнѣ большую кружку крѣпкаго кофею. Это оживило меня, и кровь потекла по жиламъ. „Сохраните эту кружку, сказалъ маршалъ: она станетъ исторической въ вашей жизни... если вы къ ней вернетесь“, прибавилъ онъ тихо.

Черезъ нѣсколько часовъ я отправилась въ каретѣ маршала. Вечеромъ мы остановились переночевать въ брошенной деревнѣ. Мы находились близъ Березины. Рано утромъ, на слѣдующій день, былъ отданъ приказъ ѣхать дальше, но отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что произвелъ большой безпорядокъ. Утро едва брезжило. Силы вернулись ко мнѣ, потому что я поѣла. Я сѣла въ коляску, передъ которой

ѣхаль отрядъ гвардіи. Императоръ стоялъ у вѣзда на мостъ и торопиль переѣздъ. Я могла внимательно разсмотрѣть его, такъ какъ мы подвигались медленно; онъ казался мнѣ такимъ же спокойнымъ, какъ на смотру въ Тюльери. Мостъ былъ очень узокъ, и наша коляска почти задѣвала императора. „Не бойтесь, сказалъ Наполеонъ, впередъ, впередъ, не бойтесь!“ Эти слова, относившіяся исключительно ко мнѣ, такъ какъ другихъ женщинъ не было, навели меня на мысль, что опасность близка.

Король Неаполитанскій держаль въ поводу лошадей и другой рукой облакачивался на дверцу моей коляски. Онъ сказалъ что-то ободряющее, глядя на меня. Костюмъ его показался мнѣ очень страннымъ въ подобную минуту и при морозѣ въ двадцать градусовъ. Открытый воротъ, бархатный плащъ, небрежно наброшенный на плечо, завитые волосы, черная бархатная шапочка съ бѣлымъ перомъ,—все придавало ему видъ героя изъ мелодрамы. Я никогда не видала его такъ близко и не могла наглядѣться. Когда онъ очутился позади, я обернулась. Онъ замѣтилъ и граціозно привѣтствовалъ меня рукою. Онъ былъ тщеславенъ и любилъ, чтобы женщины восхищались имъ.

Нѣсколько офицеровъ также держали въ поводу лошадей, потому что по мосту нельзя было ѣхать верхомъ: онъ былъ такъ легокъ, что дрожаль подъ колесами экипажа. Отъ смягчившагося холода ледъ ослабъ, что дѣлало рѣку болѣе опасною. Когда доѣхали до деревни, остановились, какъ приказаль императоръ, и всѣ офицеры вернулись къ Березинѣ. Я взяла подъ руку генерала Лефевра (сына маршала) и пошла посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Когда мостъ рухнулъ, мы услышали крикъ, одинъ только крикъ всего множества народа, и этотъ крикъ былъ неописуемъ! До сихъ поръ звучить онъ у меня въ ушахъ, когда я вспоминаю эту минуту. Всѣ несчастные, оставшіеся на томъ берегу, падали, убитые картечью. Только тогда поняли мы, какъ велико было бѣдствіе. Ледъ былъ недостаточно крѣпокъ, онъ ломался, и мущины, женщины, лошади и экипажи исчезали подъ нимъ. Военные, съ саблями на голо, рубили всѣхъ, кто препятствовалъ ихъ спасенію, потому что при смертельной опасности не признаются законы человѣческіе: жертвуютъ всѣмъ для собственнаго спасенія. Мы видѣли прекрасную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, зажатую льдомъ, какъ тискама; ей протянули ложе ружья и саблю, чтобы она могла держаться за нихъ, но отъ этого самаго движенія ледъ разошелся, и она исчезла. Я отошла, рыдая. Генераль Лефевръ, не очень малодушный, былъ блѣденъ, какъ смерть и повторялъ: „Какое ужасное несчастіе! Несчастные подъ непріятельскимъ огнемъ“.

Однако, нѣкоторымъ удалось по льду перейти рѣку; нагнавъ насъ въ Вильнѣ, они передавали намъ сцены, заставлявшія содрогаться.

Какая удивительная и необъяснимая вещь судьба! Если бы меня не бросили, считая замерзшею въ снѣгу, меня не подобралъ бы маршалъ Лефѣбрь*), и я, какъ большинство бѣглецовъ изъ Москвы, погибла бы въ Березинѣ. По возвращеніи моемъ во Францію, когда меня представляли или рекомендовали кому нибудь изъ властелиновъ, то говорили: „Она переправлялась черезъ Березину“.

Я продолжала свое путешествіе въ экипажѣ маршала до Вильны. Съ этого времени я находилась внѣ опасности, но очень страдала. Я была окружена людьми, совсѣмъ мнѣ незнакомыми. Когда я ѣхала подъ охраною ординарцевъ, жизнь моя болѣе двадцати разъ подвергалась опасности; но такъ какъ это были молодые люди благороднаго происхожденія и хорошо воспитанные, ихъ человѣчное отношеніе вознаграждало меня отчасти за тѣ страданія, которыя я ежедневно испытывала. Я имъ рассказывала довольно смѣшно свои злоключенія, и мое умѣнье заставляло ихъ подражать мнѣ. Мы говорили о времени, когда увидимъ свои семьи и найдемъ пищу, такъ какъ это было главное: я питалась шеколадомъ и сахаромъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Въ Вильну мы пріѣхали 9 Декабря часовъ въ одиннадцать вечера. Ворота города были такъ запружены толпою, воображавшею, что она достигла обѣтованной земли, что мы едва протискались черезъ нее. Тутъ и погибли почти всѣ Французы изъ Москвы, потому что, изнеможенные холодомъ и голодомъ, они не могли проникнуть въ городъ. Избѣгнувшіе смерти такъ измѣнились и постарѣли, что шесть недѣль спустя, я едва могла узнавать ихъ. Мы помѣстились у графини Косаковской, гдѣ останавливался въ первый свой проѣздъ герцогъ Данцигскій; домъ былъ въ полномъ безпорядкѣ. Графъ Косаковский состоялъ на службѣ у Наполеона и готовился уѣхать изъ Вильны; мы не могли найти ни одного слуги, чтобы дать намъ поѣсть и развести огонь. Было 20 градусовъ мороза, и мы провели ужасную ночь.

Я видѣла по безпокойству, написанному на лицахъ, что въ городѣ не долго останутся. Сынъ герцога Данцигскаго былъ раненъ и не въ состояніи ѣхать дальше; несчастный отецъ долженъ былъ ежеминутно покидать его, чтобы отдавать распоряженія. Онъ вернулся вечеромъ сказать намъ, что рѣшено выступать и что написалъ письмо

*) Герцогъ Данцигскій Лефѣбрь († 1820). Въ театральномъ Французскомъ мірѣ получила большую извѣстность, подъ именемъ Sans-gêne, жена его, нѣкогда деревенская прачка. П. Б.

Русскому генералу, командовавшему авангардомъ, сообщая, что, вынужденный оставить въ городѣ раненаго сына, онъ поручаетъ его честиности великодушнаго непріятеля. Слезы были у него въ глазахъ. „Маршалъ, сказала я, останусь я при вашемъ сынѣ и буду ходить за нимъ, какъ мать“. Онъ горячо поблагодарилъ меня и принялъ предложеніе. Я предчувствовала опасности, которымъ мы подвергались, но хотѣла принести ему эту жертву. Его адъютантъ, полковникъ Виріо (тотъ самый, что спасъ полкъ, оставшійся въ Вильнѣ) и его домоправитель остались также. Онъ далъ имъ денегъ, кредитивы и уѣхалъ, унося въ сердцѣ смерть; казалось, онъ предчувствовалъ, что не увидитъ больше сына.

Ночь провели мы безъ сна, а на слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ утра, вступили Русскія войска. Мы еще не получали отвѣта на письмо маршала и были въ безпокойствѣ. Однако, въ часъ дня, адъютантъ Русскаго генерала пришелъ сказать намъ, что письмо получено и что генералъ окажетъ должное вниманіе несчастному сыну храбраго воина, котораго онъ очень уважаетъ; онъ прибавилъ, что намъ дадутъ охрану.

Черезъ полчаса къ намъ пришло нѣсколько казаковъ. Имѣли неосторожность впустить ихъ въ комнату, гдѣ лежалъ молодой графъ; адъютантъ, желая заинтересовать ихъ въ нашей безопасности, далъ имъ нѣсколько монетъ. Какъ только казаки замѣтили на каминѣ свертки съ золотомъ и на столѣ серебряныя вещи, они тотчасъ же схватили ихъ, и я видѣла по ихъ алчнымъ лицамъ, что намъ отъ нихъ не поздоровится. Я сѣла къ постели молодого графа и подъ видомъ того, что укрываю его и поправляю подушки, выбросила за окно часы, шубу и нѣсколько другихъ вещей. Они погрозили копьями двумъ лицамъ, жившимъ противъ насъ, потомъ подошли къ постелѣ больнаго и, грозя ему, сказали: „денегъ“. Я сняла съ шеи маленькій образокъ Кіевской Божіей Матери, который дала мнѣ въ Россіи Кутузова, какъ предохраненіе отъ несчастій. Онъ произвелъ благопріятное для насъ дѣйствіе. Я положила его на больнаго и сказала: „Какъ смѣете вы безпокоить умирающаго? Богъ накажетъ васъ“. Русскіе очень чтятъ образа, особенно Кіевской Божіей Матери. Мое присутствіе духа спасло насъ; но волненіе, пережитое молодымъ челоувѣкомъ, сдѣлало его положеніе безнадежнымъ.

Около четырехъ часовъ прибылъ генералъ Чичаговъ, и ему рассказали, что случилось. Онъ оставилъ при насъ 18 челоувѣкъ, за которыхъ ручался, и мы немного успокоились; однако то, что мы слышали отъ прислуги дома, заставляло насъ трепетать за другихъ. Без-

пріютные страдальцы скитались по улицамъ, отталкиваемые жителями, которые боялись, что, разъ они дадутъ имъ пріютъ, ихъ дома начнутъ грабить: у нихъ отнимали все, и они умирали отъ холода. Улицы были полны трупами. Такъ продолжалось до пріѣзда Кутузова, но и ему не вполнѣ удалось водворить порядокъ.

Мы помѣщались рядомъ съ монастыремъ Бенедиктинцевъ и ночью слышали стоны несчастныхъ. Я подождала, когда уйдутъ солдаты и, вся дрожа, пошла посмотрѣть, не осталось ли въ комъ нибудь искры жизни. Увы, я обманулась въ своихъ надеждахъ, а когда пришла назадъ, меня пожурили за неосторожность выходить одной, чѣмъ я могла привлечь по своимъ слѣдамъ солдатъ.

Болѣзнь молодого герцога съ каждымъ днемъ ухудшалась. Докторомъ у него былъ Полякъ, и генераль Деженеттъ, оставшійся плѣнникомъ въ Вильнѣ, приходилъ навѣщать его ежедневно. Съ первой же минуты докторъ сказалъ намъ, что состояніе больного безнадежно, и ему можно давать все, чтò онъ попроситъ. Онъ услыхалъ только послѣднюю фразу и не давалъ мнѣ покоя, покуда я не приносила ему чего онъ хотѣлъ. Трудно было что нибудь достать, потому что Французскіе слуги не могли выходить, не подвергаясь опасности, а Жиды, служившіе комиссіонерами въ городѣ, возвращались съ пустыми руками, говоря, что у нихъ все отняли. Итакъ, опять таки я шла отыскивать, чтò было предписано врачами. Я проходила мимо солдатъ и лошадей, привязанныхъ среди улицы, говорила ласково казакамъ: „пожалуйста, посторони лошадей“, и они сторонились. Я привыкла ходить такимъ образомъ по городу за покупками всего необходимаго и могла наблюдать вблизи картину бѣдствія.

Наконецъ, 19 Декабря 1812 года, въ три часа утра, Лефёбрь скончался. Онъ сохранялъ сознание до послѣдней минуты. За нѣсколько часовъ до смерти, когда всѣ кругомъ спали, онъ подозвалъ меня и сказалъ тихимъ голосомъ: „Я не переживу этой ночи“. Я всѣми силами старалась разубѣдить его и говорила все, чтò говорится въ подобныхъ случаяхъ. „Такъ какъ вы, вѣроятно, скоро будете во Франціи, сказалъ онъ (женщинъ не будутъ задерживать), отрѣжьте теперь же прядь моихъ волосъ (потомъ вы будете меня бояться). Скажите моимъ родителямъ, что имъ я поручаю васъ. Если бы я былъ въ силахъ, я написалъ бы матери. Вы потеряли все, она богата и не забудетъ вашего самоотверженія“. Потомъ онъ говорилъ мнѣ много трогательныхъ словъ, глубоко меня волновавшихъ.

Его похоронили должнымъ образомъ и, по обычаю страны, одѣли въ полную форму. Когда я вошла въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, я

была поражена. Въ первый разъ, какъ я увидала его въ домѣ, занимаемомъ его отцомъ, была полночь, и онъ спалъ на лавкѣ въ той же формѣ и въ такомъ же положеніи. Такое совпаденіе обстановки, такой быстрый переходъ отъ жизни къ смерти заставилъ меня залиться слезами.

Исполнивъ всѣ печальныя обязанности, я стала, наконецъ, думать о себѣ. Я была безъ денегъ и безъ возможности какъ нибудь заработать ихъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ императору Александру, потому что, находившись на службѣ императорскаго театра въ теченіи шести лѣтъ, я имѣла нѣкоторое право на его покровительство. Если бы у меня достало смѣлости попросить аудіенціи, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ, онъ, вѣроятно, помогъ бы мнѣ, потому что старался облегчать участь несчастныхъ.

Съ прибытіемъ императора Александра въ Вильну пытались устроить въ честь его праздникъ. „Нѣтъ, сказалъ онъ, употребите эти деньги на несчастныхъ, которые безъ хлѣба и безъ крова. Кто можетъ веселиться, когда столько страданій? Это значило бы оскорблять несчастіе“.

Кутузовъ покровительствовалъ мнѣ во время моего пребыванія въ Вильнѣ. Я была такъ хорошо принята въ Петербургѣ въ его семьѣ, что это дало лишній поводъ его благожелательству. Не будучи въ состояніи и не желая оставаться въ домѣ, гдѣ умеръ Лефѣбрь, я помѣстилась у одной вдовы, которая дала пріютъ многимъ Французамъ, мущинамъ и женщинамъ, бывшимъ въ очень жалкомъ положеніи. Здоровье мое не пострадало отъ столькихъ невзгодъ, и я помогала болѣе меня несчастнымъ и заболѣвшимъ. Одинъ офицеръ, свидѣтель моихъ заботъ о другихъ, упомянулъ мнѣ о ребенкѣ, котораго еще считали живымъ, когда остальные уже померли отъ усталости и голода.

Разсказъ его былъ трогателенъ. „О, сударь, вскричала я, бѣжимъ за нимъ“. Мы скоро очутились у городскихъ воротъ. Не могу представить себѣ безъ содроганія представившуюся картину. Я завернула ребенка въ свой салопъ и бросилась бѣжать такъ быстро, что спутникъ едва поспѣвалъ за мною.

У меня было мало надежды вернуть маленькое созданье къ жизни, однако мнѣ удалось согрѣть его, благодаря стараніямъ доктора. Ребенокъ только застылъ отъ холода. Съ большими предосторожностями покормили его, потому что онъ, по всей вѣроятности, долго голодалъ. Приходилось понемногу пріучать его желудокъ къ пищѣ. Все застав-

ляло думать, что родители его были Французы, жившіе въ Москвѣ, потому что изъ женщинъ, послѣдовавшихъ добровольно изъ Франціи за мужьями и спасшихся потомъ, ни одна, думается мнѣ, не могла бросить ребенка *).

„Почему не возьмете вы его себѣ? сказалъ офицеръ: вы такъ добры“. — „Почему же и не взять, отвѣчала я, но у меня ничего не осталось. Чтò могу я дать ему?“ — „То, чтò вы даете всѣмъ этимъ несчастнымъ—попеченіе“. — „Оно не даетъ средствъ къ существованію“. — „Оно его облегчаетъ; сложившись, мы дадимъ ему то малое, чтò имѣемъ: это будетъ лепта вдовицы“.

Глаза мои наполнились слезами при видѣ этой хорошенькой маленькой товарки по несчастію, къ которой я уже чувствовала живѣйшій интересъ. Одна ножка была отморожена. Такъ какъ я уже нѣсколькихъ вылѣчила простымъ средствомъ (сокомъ картофеля) то и тутъ примѣнила его, чтò имѣло успѣхъ.

На слѣдующій день я отправилась къ Кутузову. Меня принялъ зять его, князь Кудашевъ. „Знаете, чтò со мною случилось? Знакомы вы съ маленькой пьесою „Банкротство Саветье“, игранный Брюнномъ? Бѣднякъ жалуется, что ему нечѣмъ кормить своего ребенка и находить у двери еще двухъ. Въ такомъ, приблизительно, положеніи нахожусь и я: у меня ничего нѣтъ, и мнѣ достался ребенокъ“. — „Какъ ребенокъ?“ — „Увы, хорошенькое маленькое созданье, упавшее на снѣгъ, какъ птенчикъ изъ гнѣзда“.

Онъ принялся смѣяться. „Надо это рассказать Кутузову“. — „Да, это забавно; но сдѣлайте одолженіе, скажите, чтò же станетъ съ нею и со мною?“ — „Я поговорю съ тестемъ, приносите вашего птенчика“.

*) Памятная Москвѣ своей дѣятельностью въ женскомъ своемъ учебномъ заведеніи (нынѣ г-жи Констанъ) Маргарита Борисовна Дюмушель была также при переправѣ черезъ Березину. Отецъ ея Алляръ-де-Мезоннѣвъ имѣлъ въ Москвѣ большой книжный магазинъ на Кузнецкомъ мосту (гдѣ въ наши дни былъ магазинъ Дейбнера), но съ другими Французами былъ высланъ изъ Москвы, а супруга егò съ маленькою дочкою послѣдовала за главною арміею по выходѣ ея изъ Москвы. Маргаритѣ Борисовнѣ, на рукахъ у матери, кто-то изъ офицеровъ подалъ чего-то поѣсть. Это увидалъ Наполеонъ, завтракавшій, сидя на барабанѣ; онъ съ гнѣвомъ велѣлъ отогнать прочь несчастную мать съ дочерью. Кое-какъ доплелись онѣ до Вильны. Мать успѣла добраться въ помѣщеніе Кутузова, который принадлежалъ къ одной и той же ложѣ съ Алляромъ. Мать показала масонскій знакъ, и Кутузовъ не только принялъ ее ласково, но снабдилъ деньгами и далъ ей повозку доѣхать до Петербурга, гдѣ удалось ей, у банкира Ливіо, увидать императора Александра, которому крошка-дочка подала бумагу съ просьбою о призваніи отпустить ея отца изъ Мурома въ Москву (слышано отъ самой Маргариты Борисовны Дюмушель). П. Б.

Я вернулась въ тотъ же день. Свою дѣвочку я принарядила, чтобы представить Кутузову. Ожидая его выхода, я заглянула въ открытую книгу. Это были стихотворенія Клотильды. Я прочла:

Несчастнѣй ребеночекъ,
И увѣрена,
Что Богъ посылаетъ мени
Стать твоею запитою.

„Взгляните, ваше сіятельство, сказала я входящему Кутузову, не есть ли это предсказаніе?“ — „Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ, странное совпаденіе; ну хорошо, я буду ей защитою и крестнымъ отцомъ“. Онъ назвалъ ее Надеждою, далъ пятьсотъ рублей, а зять его триста. „Тратьте ихъ на ея нужды“, сказалъ онъ мнѣ.

Радостно поспѣшила я сообщить о такомъ благополучіи своимъ товарищамъ.

Я не знала, что мнѣ дѣлать съ ребенкомъ, когда придется уѣзжать, потому что при моемъ неопредѣленномъ положеніи и въ суровую зиму было немыслимо везти его съ собою, бросить же я не могла и не хотѣла. И въ этомъ случаѣ вывелъ меня изъ затрудненія Кудашевъ. Онъ зналъ одну Нѣмку, которой раньше оказалъ услугу и теперь выхлопоталъ паспортъ для возвращенія на родину. У меня была родственница въ Люксембургѣ. Князь увѣрилъ меня, что Нѣмка возьметъ доставить дѣвочку вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ я попрошу родственницу заботиться о ней до моего возвращенія. „Мы заплатимъ за ея проѣздъ, сказалъ онъ, и я ручаюсь за нее“. Дѣйствительно, она вполне добросовѣстно исполнила порученіе.

*

Переведено съ Парижскаго (1841), нынѣ рѣдкаго, изданія.

Умъ, настойчивость, любезность и врожденное Французамъ лицедѣйство спасли добрую Луизу Фюзиль отъ бѣдствій, и она снова появилась на театральныхъ подмосткахъ, куда возвела и свою воспитанницу, сироту-Надежду.

Не такова была судьба другой умной Француженки, которая въ теченіи многихъ лѣтъ держала въ Москвѣ въ огромномъ домѣ (нынѣ Обидина, въ Глинцевскомъ переулкѣ), магазинъ со всевозможными товарами. Это мадамъ Оберъ-Шальмѣ (рекомая Оберъ-Шельма). Она устроила для Наполеона кухню въ Архангельскомъ соборѣ. У одного изъ ея внуковъ (дѣйствительнаго статскаго совѣтника) освѣдомлялись мы, какая участь постигла его бабушку. Ah, notre pauvre mère! Elle a suivi la grand' armée et elle y a été cosaquée (Она послѣдовала за главной арміей, и тамъ казаки доканали ее). П. Б.

